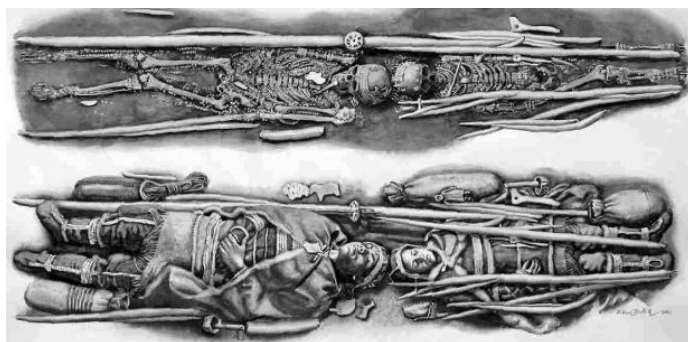

ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

*ARCHAEOLOGY OF BURIALS:
MODERN THEORETICAL
AND METHODOLOGICAL APPROACHES*

BOOK OF ABSTRACTS

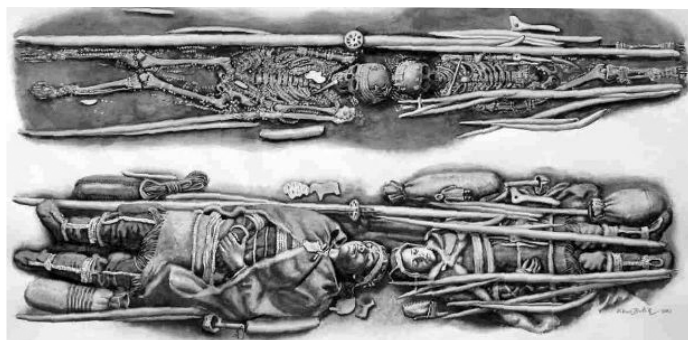
OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION,
DEDICATED TO THE MEMORY OF
VALERY IVANOVICH GULYAEV

Moscow 2022

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

*АРХЕОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ*

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ,
ПОСВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ
ВАЛЕРИЯ ИВАНОВИЧА ГУЛЯЕВА

Москва 2022

УДК 902/903
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор:
д.и.н. Д.С. Коробов

Рецензенты:
д.и.н. Ш.Н. Амиров
д.и.н. М.В. Добровольская

Археология погребений: современные теоретические и методические подходы. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной памяти Валерия Ивановича Гуляева / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: Институт археологии РАН. 2022. – 76 с.

ISBN 978-5-94375-380-0

Настоящее издание представляет собой сборник тезисов докладов, подготовленных к Всероссийской научной конференции с международным участием «Археология погребений: современные теоретические и методические подходы» (Москва, 16–18 ноября 2022 г.). Конференция посвящена памяти выдающегося ученого Валерия Ивановича Гуляева (1938–2022). В докладах и сообщениях освещаются теоретические проблемы интерпретации погребального обряда, рассматриваются современные методические подходы к полевому изучению погребальных памятников, актуальные теоретические и практические аспекты в изучении погребального обряда с точки зрения археологии. Значительное количество докладов посвящено разнообразным методам естественных наук, используемых при анализе погребального обряда (палеоантропология, палинология, археоботаника, палеогенетика, микробиология и другие дисциплины).

Сборник представляет интерес для археологов, историков, краеведов и для всех, кто интересуется современными археологическими методами и процедурами.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-380-0

<https://DOI.ORG/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0>

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2022
© Авторы статей, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Анохин И.В. Применение высокоточного лазерного сканирования для фиксации воинских погребений	9
Бабенко А.Н. Возможности и особенности применения палинологического анализа при изучении погребальных памятников	10
Бородовский А.П. Погребальное пространство некрополя эпохи раннего железа Чултуков Лог-1 в Горном Алтае	11
Вальков Д.В. Опыт реконструкции форм и размеров курганных насыпей Среднего Поволжья	12
Васенина М.Г. Грунтовый могильник Любахин-V в бассейне Мологи (Чагодощенский район Вологодской области)	14
Васильева Е.Е. Новый подход к фиксации деревянных погребальных конструкций позднего Средневековья и Нового времени: археологический бланк	15
Вашанов А.Н., Ткачева М.И., Крумплевский В.С., Яскович А.С. К вопросу о хронологии Ильинского кладбища в г. Бельничы (Республика Беларусь)	16
Викулова Н.О. Погребение из культурного слоя 2 стоянки Усть-Менза 6 (Груздевая)	17
Волошинов А.А., Меньшиков М.Ю. Нестандартные положения тел в погребениях мусульманского некрополя Кырк-Азизлер (Крым, г. Бахчисарай)	19
Гаврилов К.Н., Бужилова А.П., Васильев С.В., Гиря Е.Ю., Стулова Д.И. Археологический контекст и символика сунгирских погребений	20
Галиева З.С. Дистанционные методы в исследованиях погребальных памятников джетысарской культуры Восточного Приаралья	21

Дорошко В.В., Лесная Е.С., Тюрин М.И. Новые данные об обряде кремации на некрополе Херсонеса римского времени	23
Дьякова О.В. Родовая иерархия погребений некрополя Монастырка-3 в Приморье в контексте этнографических источников	24
Елошкин Г.А. Погребальный сверток в культуре паракас: интерпретация погребального обряда как отражение культа плодородия	25
Емельянчик О.А. Опыт дифференцирования одновременных групп захоронений в пределах одного кладбища с использованием биологических критериев	26
Кадиева А.А., Демиденко С.В. К вопросу об использовании древних предметов в погребальном обряде населения Северного Кавказа (эпохи раннего железного века и раннего средневековья)	29
Каширская Н.Н. Глены шерстяных изделий эпохи бронзы и Средневековья в погребальных комплексах Крыма и Северного Кавказа	31
Каширская Н.Н., Чернышева Е.В., Хомутова Т.Э., Ельцов М.В., Пинской В.Н., Петросян А.А., Овсепян Р. Микробиологические и энзимологические следы пищи в бытовых и погребальных сосудах эпохи бронзы	32
Клещенко Е.А., Тарасевич В.Н. Некрополь второй половины I тыс. н.э. Навры II: первые результаты междисциплинарных исследований	34
Корневский С.Н., Медникова М.Б., Юдин А.И. Новые данные по майкопской погребальной практике на поселении Чекон 2018	35
Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Фассбиндер Й. Новые методические приемы исследования подкурганых могильников раннего этапа аланской культуры Северного Кавказа	36
Коробов Д.С., Булыгина Е.С., Слободова Н.В., Шарко Ф.С., Недолужко А.В. Новые данные о генетическом разнообразии жителей Центрального Предкавказья в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.	37

Коц А.Л. Изучение разновременных погребальных памятников Спасо-Преображенского храма в Полоцке	38
Кудинова М.А., Комиссаров С.А., Соловьев А.И. Проблемы интерпретации погребального обряда и реконструкции культурной идентичности на примере элитных захоронений «согдийцев» в Китае	39
Ларенок О.П. Некоторые особенности погребального обряда днепро-донской бабинской культуры на территории Нижнего Дона	41
Леонтьева А.С. Погребальный симбиоз Змейского могильника	42
Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В. Погребально-ритуальные обряды в Верхнем Подвиньи в III тыс. до н.э.	44
Мельник В.И. Погребальный комплекс как символическая композиция	45
Меньшиков М.Ю. Некоторые методические проблемы при использовании фотограмметрии в процессе фиксации погребений	46
Недомолкина Н.Г. Раскопки могильников с нарушенной анатомической целостностью костяка на территории Верхней Сухоны	48
Некраш А.А. Локальные особенности погребальных комплексов одиновской культуры (Барабинская лесостепь)	49
Сергеев А.Ю. Археоботаника погребальных памятников: случайные находки и целенаправленный поиск растительных макроостатков	51
Стасюк И.В., Мустафин Х.Х., Альборова И.Э. Опыт сопоставления археологических и генетических данных в изучении средневековых некрополей Ижорского плато	52
Тарасевич В.Н., Маковская В.А. Погребальный обряд населения между-речья Западной Двины и Немана второй половины I тыс. н.э.: результаты новейших полевых исследований и возможности интерпретации материалов раскопок второй половины XX в.	53

Тарасова А.А., Васильева Е.Е., Евтеев А.А., Рассказова А.В., Чечеткина О.Ю., Петрова К.А. База данных цифровых копий антропологических материалов как способ организации хранения коллекций	55
Татаурова Л.В. Погребальный обряд у русских: знакомое и неизвестное ...	56
Тишкин А.А., Сеницей Т., Ковычев Е.В. Черепно-мозговые травмы у по- гребенных людей из могильника Дурой-II (Восточное Забайкалье)	57
Трошина А.А., Красникова А.М. Применение метода спорово-пыльцево- го анализа при исследовании курганного некрополя Гнездилово 12	59
Ужастова И.Р., Зальцман Э.Б., Клещенко Е.А., Свиркина Н.Г., Скворцов К.Н. Биритуальный могильник Ливенское: результаты междисциплинарных исследований памятника эпохи Великого пере- селения народов	60
Храмцова А.А., Кашина Е.Е. К вопросу о раннеолитических погребе- ниях таежной зоны Восточно-Европейской равнины	61
Черевко В.В. Инвентарь сельских погребений Белорусского Подвинья XIV–XVIII вв.	62
Шмидт И.В., Федорова Д.С. Погребальная культура в свете современных танатопрактик: о проблемах археологической идентификации	64
Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Проблемы и механизмы применения ме- тодов биоархеологии и социальной археологии в исследовании погреб- бальных комплексов позднего бронзового века Южного Приуралья	65
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ДОКЛАДОВ	67

Анохин И.В.

Институт археологии РАН,

АНО Научно-исследовательский

центр Современной истории (Москва)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.9-10>

ПРИМЕНЕНИЕ ВЫСОКОТОЧНОГО ЛАЗЕРНОГО СКАНИРОВАНИЯ ДЛЯ ФИКСАЦИИ ВОИНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ

В докладе рассматривается практический опыт применения геодезических лазерных сканирующих систем для фиксации воинских погребений на всех этапах полевых работ – от момента их начала до момента завершения раскопа.

Рассмотрены возможности использования метода лазерного сканирования в качестве основы для создания топографического плана будущего участка работ. Произведено сравнение эффективности методов топографических съемок (тахеометрической съемки, съемки с помощью спутниковых приемников и съемки с помощью лазерного сканирования), применительно к различным типам археологических памятников. Сделаны выводы о целесообразности применения метода для создания топографической основы при наличии сложного рельефа местности или сжатых сроках производства полевых работ.

Основной акцент доклада сделан на практическом опыте применения лазерного сканирования в качестве метода фиксации раскопа. Рассмотрен опыт применения метода для фиксации раскопа воинского погребения периода Великой Отечественной войны (Альховик, Республика Беларусь). Выполненная фиксация, производившаяся с помощью прибора, выполняющего измерение до 500 тысяч точек в секунду и рабочим расстоянием сканирования до 60 м, позволила сделать выводы о недостатках и преимуществах метода лазерного сканирования по сравнению с классическими методами фиксации и методом фотограмметрии.

Особое внимание уделено практическим особенностям выполнения полевых работ, в том числе необходимости размещения опорных точек и плоскостей, используемых для регистрации облаков точек, собранных с различных станций сканирования. Рассмотрена обработка результатов сканирования с помощью программного обеспечения, трансформация результатов в формат двумерных чертежей, предложены к обсуждению возможности использования полученного облака точек как части научного отчета, в том числе рассмотрения возможности включения в состав отчета электрон-

ного носителя с данными лазерного сканирования. Сделаны выводы о возможности и целесообразности применения метода в различных условиях, прежде всего на памятниках Нового и Новейшего времени. В докладе рассматриваются современные высокоточные системы лазерного сканирования, методы обработки полевых измерений, достижимые пределы точности измерений, практические особенности использования метода.

Бабенко А.Н.

Институт археологии РАН (Москва)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.10-11>

ВОЗМОЖНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПАЛИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Спорово-пыльцевой анализ широко применяется в археологических исследованиях, однако основным объектом чаще является культурный слой поселенческих памятников. Образцы же из погребальных конструкций или самих погребений гораздо реже исследуются палинологами. Отчасти это можно объяснить ограничениями применения самого метода, но чаще всего причина кроется в недооценке возможностей спорово-пыльцевого анализа. Цель данной работы – показать возможности, особенности и недостатки палинологического метода для изучения погребальных памятников.

При исследовании погребальных памятников методом спорово-пыльцевого анализа могут изучаться: погребенная почва, курганные насыпи, содержимое сосудов, мешочков, подушек и другие органические находки, содержащие растительные остатки. При изучении различных объектов решаются разные задачи.

Изучение погребенной почвы может дать информацию о растительности, существовавшей в регионе на момент погребения, или о типе хозяйственного использования территории.

При правильном отборе образцов спорово-пыльцевой анализ курганных насыпей может выявить этапы строительства, установить особенности конструкции кургана и происхождение имеющихся органогенных прослоек. А особенности спорово-пыльцевого спектра непосредственно органогенных прослоек могут указывать и на время сооружения кургана.

Спорово-пыльцевые спектры содержимого сосудов позволяют говорить не только о наличии или отсутствии растительной погребальной пищи, но и в некоторых случаях делать предположения о зараженности

пищевых припасов вредителями или патогенными грибами. А при наличии нескольких предметов из одного погребального комплекса, можно попытаться установить сезонность погребения, что, правда, удастся крайне редко.

Не всегда палинологический анализ дает ответы на поставленные задачи. Например, невозможно реконструировать растительность при отсутствии погребенной почвы под курганом или в его теле. При отсутствии растительных остатков в сосуде, ничего нельзя сказать о его содержимом, необходимо применять другие методы. Кроме того, при неправильном отборе образцов, информативность спорово-пыльцевых спектров оказывается практически нулевой.

Изучение археологических объектов (в том числе и погребальных памятников) методом спорово-пыльцевого анализа, по сравнению с классической палинологией, отличается непредсказуемостью результатов, однако из этого не следует, что надо пренебрегать данным методом.

Бородовский А.П.

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.11-12>

ПОГРЕБАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО НЕКРОПОЛЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ЧУЛТУКОВ ЛОГ-1 В ГОРНОМ АЛТАЕ

Северный Алтай является естественной границей и контактной зоной целого ряда археологических культур скифского времени на юге Западной Сибири. Среди них: быстринская, пазырыкская и каракобинская культуры. Предварительное радиоуглеродное датирование ряда разнокультурных погребений некрополя Чултуков Лог-1, проведенное в Стокгольмском университете, позволило определить общую хронологическую динамику скифского времени в горной долине Нижней Катунь от майэмирского периода до хунно-сяньбийского времени (майминская культура).

Следует подчеркнуть, что раннескифское время (майэмирский период) на территории горной долины Нижней Катунь представлен пока эпизодическими безынвентарными погребениями (Чултуков Лог-1), а также захоронениями в каменных ящиках (Чемал-Карьер-1).

В отношении широко распространенной на территории Горного Алтая пазырыкской культуры сформировалось несколько точек зрения. Одна из них – существование единой пазырыкской культуры в пределах всего

Большого Алтая. Другая точка зрения в отношении пазырыкской культуры предполагает существование ее локальных вариантов или их территориальное своеобразие.

К настоящему времени в рамках пазырыкской культуры выделен ее северный локальный вариант, под которым понимается вся совокупность памятников VI–III вв. до н. э. в нижнем и среднем течении р. Катунь от Маймы и до Урсула.

В целом, судя по традиционным археологическим датировкам курганных групп Северного Алтая (Майма IV, Чултуков Лог-1, 2, Барангол-1, 2, 4), носители пазырыкской культуры проживали на севере Горного Алтая с рубежа VI–V вв. до н.э. до начала II в. до н.э. Эта хронология подтверждается радиоуглеродным датированием. В свою очередь, это соответствует общей продолжительности существования пазырыкской культуры на территории всего Горного Алтая, в рамках которого сформировался ее северный локальный вариант. Длительность существования здесь пазырыкского населения и плотная заселенность территории горной долины Нижней Катунь на протяжении всего скифского времени явно противоречат концепции по миграции пазырыкской культуры на позднем этапе ее существования с юга на север. Очевидно, что этот культурный феномен занимал практически всю территорию Горного Алтая на протяжении всего периода бытования.

Вальков Д.В.

Научно-производственный центр

«Универсальные технологии и разработки» (Самара)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.12-13>

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ФОРМ И РАЗМЕРОВ КУРГАННЫХ НАСЫПЕЙ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Многими исследователями допускается предположение, что реконструкция изначальных размеров и форм наземных погребальных сооружений («курганов») дает основание для моделирования мировоззрения древних коллективов, их оставивших. Линейные размеры курганов и околочурганов сооружений (объем перемещенной земли), очевидно, находились в сложном соотношении между статусом под ними погребенных и возможностями соорудивших их живых. Препятствием для этих реконструкций являются итоги процессов эрозии и распашки, искаживших древние земляные

конструкции. Они в разной степени проявляются на различных ландшафтах страны. Предлагаемая работа ограничена лесостепной/степной зонами Среднего Поволжья.

Применение высокоточного нивелирования в комплексе с анализом разнородных данных ДЗЗ, позволяет частично компенсировать эти негативные эффекты. Автор использует приемник спутниковых сигналов геодезического класса точности в режиме RTK (кинематика в режиме реального времени), с получением поправок от сети референчных станций высокоточного позиционирования. Акцент делается на измерении именно курганов и окружающего их пространства, по двум–шести осям, с шагом 2–4 м и выносом нивелировочных осей на 15–25 м за пределы визуально определенных границ насыпи. На основе этих измерений в специализированном ПО строится триангуляционная модель (TIN) насыпи и окружающего ее пространства, превышения рельефа передаются горизонталями с шагом 5–10 см, эффект восприятия усиливается гипсометрической картой высот. Иным способом невозможно оценить резкость перепада высот в 7–20 см на плече в 4–6 метров на обычном двухмерном плане памятника, профиля или раскопа. К сожалению, именно такими разницами выражаются остаточные формы древних погребальных сооружений в регионе работ.

Само по себе нивелирование курганной насыпи по осям не дает представления об ее истинной форме – необходима очень времязатратная съемка по регулярной сетке. Несомненно, что фотограмметрическая методика или лидарная съемка дают принципиально более высокое качество измерений, при столь же несомненных ограничениях в виде растительности, бюджету приобретения, сложностям постобработки. В своей практике автор варьирует плотностью планово-высотного обоснования, отрабатывая методику получения информации нового качества при минимальных затратах, доступных большинству археологов.

В итоге, удается удовлетворительно смоделировать форму и размеры вокруг курганных горизонтов снятия почвы, что дает верхнюю оценку объема перемещенной в насыпь земли. Построенные на основе TIN модели профиля насыпи дают основания для выявления ступенчатых конструкций курганов.

Указанная методика распространяется автором на исследование давно раскопанных курганов – построения TIN моделей насыпей по нивелировочным планам и использование архивных данных ДЗЗ.

Васенина М.Г.

АУК ВО «Вологдареставрация» (Вологда)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.14-15>

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК ЛЮБАХИН-V В БАССЕЙНЕ МОЛОГИ (ЧАГОДОЩЕНСКИЙ РАЙОН ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Могильник Любахин-V на р. Песь – это небольшой грунтовый могильник с погребениями по обряду кремации, не имевший каких-либо внешних признаков, раскопанный в 1989 г. А.Н. Башенькиным (Песь – приток Чагоды, притока Мологи). Место представляло собой небольшую ровную поляну на краю надпойменной террасы правого берега Песи. Заложены два раскопа (144 кв. м). В культурном слое найдены мелкие кости желтого и белого цвета, фрагменты лепной гладкостенной (29) и сетчатой (87) керамики, а также находки, относящиеся к неолитической стоянке Любахин-VI: ямочно-гребенчатая керамика, кремневые изделия.

Кости залежали по площади раскопов неравномерно, часть из них принадлежит животным и относится к стоянке (Башенькин, 1989. С. 62). Выделены два «пятна» кремированных костных останков человека.

В кв. А – 1, 2 кости занимали площадь 2.7×1.9 м, находились в слое темно-серой супеси и г-образной западине глубиной до 0.3 м. Кости мелкие, залежали разрозненно, без плотных скоплений.

В кв. В, Г – 5, 6, 7, 8 кости человека занимали площадь 5.0×3.2 м, залежали россыпью сразу под дерном и ниже в темно-серой супеси с угольками, мощность до 0.16 м. В скоплении найдены железные крючок и нож, бронзовая бусина. Ниже темно-серого слоя кости человека выделены в четырех ямках, из них наиболее интересно погребение 2. Оно расчищено в яме диаметром 0.4 м, глубиной 0.55 м. Кости залежали до самого дна, в верхней части найдена бронзовая бусина, в придонной стоял сетчатый горшок с костями, прикрытый днищем другого сетчатого сосуда. Сосуд слабопрофилированный, высота 8.7 см, орнаментирован двудольным штампом. Кости принадлежат женщине, ребенку и животному.

А.Н. Башенькин датировал могильник концом I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э. (по керамике, крупным бронзовым бусам, ножу с серповидной (?) спинкой). Радиоуглеродный анализ угля из ямы погребения № 2 дает дату 1990 ± 50 л.н. (JE-3557) (Башенькин, 1995. С. 8). Обряд погребения – помещение костей в урны – автор раскопок сопоставлял с обрядом населения Поднепровья этого времени, однако отмечал, что сетчатая керамика свидетельствует об иной этнической сфере – финно-угорской. Впервые на

Северо-Западе в грунтовом могильнике в погребальной яме вместе с костями человека был найден сетчатый горшок в качестве погребальной урны, и из угля, найденного в этой же яме, получена дата по C14.

Васильева Е.Е.

Институт археологии РАН (Москва)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.15-16>

НОВЫЙ ПОДХОД К ФИКСАЦИИ ДЕРЕВЯННЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ БЛАНК

В последнее десятилетие наблюдается значительный рост объемов материалов, полученных в ходе исследования приходских и монастырских некрополей эпох позднего Средневековья и Нового времени. Это обуславливается несколькими причинами, среди которых передача крупнейших монастырских комплексов Русской православной церкви и изменения в современном законодательстве.

Погребальное сооружение является неотъемлемой частью погребального обряда. Для эпохи русского Средневековья можно обозначить несколько типов таких конструкций, среди которых наибольшее распространение получили деревянные гробы. В связи с причинами, обозначенными выше, количество этого типа находок также растет, особенно за счет исследования наиболее поздних ярусов средневековых кладбищ, отличающихся, как правило, лучшей сохранностью. Отметим, что деревянные гробы XVII – XIX вв. ранее массово не изучались и не классифицировались. Работа Т.Д. Пановой, содержащая типологию деревянных погребальных сооружений, охватывала материалы до XVI в. включительно, более поздние экземпляры упоминаются в ней в единичных случаях. Работа над диссертационным исследованием автора настоящего доклада, охватывающем период вплоть до начала XX в., привела к идее о необходимости унификации описания деревянных погребальных сооружений, обнаруживаемых при археологических раскопках. Это позволяет не только упростить полевую фиксацию этих хрупких находок, но также уточнить терминологию, облегчить процесс создания отчета о проведенных полевых исследованиях и сосредоточить свое внимание на определенных хроноиндикаторах.

Был разработан двухсторонний бланк, одна сторона которого посвящена долбленным колодам, обратная – составным гробам. Для каждого типа указаны все возможные формы погребальных конструкций (как в плане, так

и в сечении), представлены варианты форм крышек и их креплений с гробом, для составных гробов – отмечены все возможные варианты соединения досок гроба и крышки. Кроме того, указаны места снятия необходимых для описания обмеров, оставлено место для примечаний и описания индивидуальных особенностей погребальной конструкции – украшений и пр.

Автор выражает уверенность, что использование подобного бланка может ускорить описания, производимые непосредственно в ходе полевых работ, а также привести к однообразию описания в отчете о проведенных полевых работах. Помимо этого, данный бланк упростит дальнейшую работу по систематизации и углубленному изучению деревянных погребальных конструкций эпох позднего Средневековья и Нового времени.

**Вашанов А.Н., Ткачева М.И.,
Крумплевский В.С., Яскович А.С.**

Институт истории НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.16-17>

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ИЛЬИНСКОГО КЛАДБИЩА В Г. БЕЛЫНИЧИ (РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ)

В 2019–2020 гг. были проведены охранные раскопки на территории Ильинской горы, расположенной в г. Белыничи (Могилевская область, Беларусь). Целью археологических раскопок было изучение площадки, выделенной под строительство деревянной часовни, парковки и коммуникаций к ним.

Ильинская гора локализуется в юго-западной части г. Белыничи на левом берегу р. Друть. По форме возвышенность напоминает неправильный овал, вытянутый с северо-востока на юго-запад, с максимальной высотой 12–15 м. В результате благоустройства территории, в начале 2000-х гг., рельеф был выровнен, что привело к уничтожению внешних следов кладбища.

Общая площадь исследований составила 149 кв. м, из них 130 кв. м пришлось на основной раскоп, устроенный на месте возведения часовни. Захоронения располагались на глубине от 0.33 до 1.75 м от дневной поверхности. Большинство выявленных захоронений было ориентировано головами на запад-северо-запад. В большинстве случаев удалось проследить остатки деревянных гробов, которые читались по отдельным кускам древесины разной степени сохранности. Большая часть выявленных захо-

ронений является безынвентарными. В связи этим возникли вопросы, требующие ответов.

1. Период функционирования кладбища связан с историей Ильинской церкви, которая действовала с конца XVI в. и была связана с датой основания г. Бельнич. Первое упоминание церкви относится к началу XVII в., что подтверждается находкой монеты в погребении, датированной датой чеканки 1618–1626 гг. Датировка самого позднего погребения основана на деталях женского костюма, относящегося ко второй половине XIX в.

2. Вопрос о конфессиональной принадлежности погребенных остается открытым. Существовавшая на территории кладбища культовая постройка, предположительно изначально православная (проверяется версия в архиве), уже на 1773 г. действовала как греко-католическая. В 1854–1856 гг. данное сооружение упоминается как православная церковь. Ее дальнейшая судьба не ясна. На планах местечка конца XIX в. церковь и кладбище не отмечены.

3. Антропологический анализ датированных погребений показал наличие у трех из четырех взрослых индивидов метопического шва (*metopic suture*). Данный признак, с некоторым допущением, может свидетельствовать о наличии общего предка или родственных связей. Полный антропологический анализ в дальнейшем поможет выявить однородность и преемственность населения или их отсутствие.

4. Статистическая обработка показателей глубин залегания костяков из-за нивелировки рельефа не дала результатов. Для решения этой проблемы обрабатываются признаки погребального обряда для дальнейшей статистической обработки.

Таким образом, решая поставленные задачи, можно будет составить алгоритм действий для дальнейших исследований.

Викулова Н.О.

Институт археологии РАН (Москва)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.17-19>

ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ 2 СТОЯНКИ УСТЬ-МЕНЗА 6 (ГРУЗДЕВАЯ)

Одним из основных центров изучения культур каменного века в Забайкалье является Усть-Мензинский археологический комплекс, который находится в Красночикойском районе Забайкальского края. Исследования на этой территории проводятся с 1980 г. силами Чикойской археологической экспедиции под руководством М.В. Константинова.

В 2012 г. было начато систематическое изучение многослойного памятника Усть-Менза 6 (Груздевая). В процессе изучения вмещающих отложений было зафиксировано семь культурных слоев.

Погребальная яма выявлена в подошве культурного слоя 2, на глубине 40–42 см от современной поверхности. Форма округлая, размеры 90 × 81 см. Погребальная яма прорезает культурный слой 3 и частично культурный слой 4. В пределах контура погребальной ямы цветовая гамма заполнения оказалась смешанной, в основном буро-каштановой, пятнистой, а по плотности заполнение погребальной ямы более рыхлое, чем отложения вне ее контура.

На глубине 45 см от поверхности погребальной ямы зафиксировано могильное пятно темного цвета. При расчистке могильного пятна выявлен полный скелет с черепом взрослого человека. Скелет размещается в северной половине погребальной ямы.

Череп расположен с ориентацией на запад. Общая ориентация скелета запад-восток. Лицевая сторона черепа обращена к югу. Левая теменная кость обращена к востоку. Она отмечена отверстием, пронизывающим костную ткань, размерами 7 × 4 см. Череп прижат к борту ямы правой теменной частью и немного приподнят, его свод находится ниже кровли могильного пятна на 3–4 см. Нижняя челюсть сохранилась в нормальной позиции.

Позвоночник представлен полностью. Правые отростки позвоночника обращены к дну ямы. Позвоночный столб в верхней части изогнут в соответствии с контуром ямы, особенно сильно изогнута и прижата к груди линия позвонков шейного отдела. Верхняя часть тела покоится на правом боку с разворотом тела к середине погребальной ямы, т. е. в южном направлении.

Правая лопатка прикрыта шейными позвонками. Левая лопатка перекрывает верхние ребра.

Правая рука расположена вдоль тела, полусогнута, кисть под бедренной костью правой ноги, развернута ладонью вниз. Левая рука вытянута вдоль тела, кисть на голени левой ноги.

Бедренные кости находятся в нормальной анатомической позиции – от тазовых костей вниз, при этом головка левой бедренной кости вышла из тазовой кости; головка правого бедра – в тазовой кости.

Отмечается сильно согнутое положение ног. Согнутые ноги развернуты вправо, левая нога примыкает к правой. Голени плотно подтянуты к бедренным костям. Стопы обеих ног подтянуты и загнуты под таз. Коленные чашечки упираются в восточную часть борта погребальной ямы.

Череп и скелет пропитаны охрой красного цвета. Вдоль костей и по контуру черепа прослеживается охристый грунт.

У правой локтевой кости найдена двугранная микропластинка размерами 4×0.7 см, со слегка изогнутым профилем. При выборке заполнения могильного пятна рядом со скелетом также оказалось три чешуйки из камня, но они могли иметь случайное происхождение, т. е. быть связанными с отложениями 3 или 4 культурных слоев, пронизанных ямой.

В центре на дне погребальной ямы зафиксировано углистое пятно овальной формы размерами 31×23 см, мощностью 1–2 см. Из него взята проба на С14. Дно ямы песчаное, чашевидное с заглуплением в средней части по отношению к краям на 8–10 см. Глубина погребальной ямы от ее поверхности 70 см.

В итоге антропологический материал был передан для изучения в лабораторию антропологии Института этнологии и антропологии РАН. В 2020 г. была выполнена графическая реконструкция внешности по черепу, отмечена монголоидность погребенной девушки. Также в Брюсселе С.В. Васильевым получена дата $14C \text{ BP } 5430 \pm 35$. Таким образом, выявленное погребение в культурном слое 2 Усть-Мензы 6 (Груздевая) можно рассматривать в ряду неолитических погребений в скорченном положении, выявленных ранее на территории Западного Забайкалья.

Волошинов А.А., Меньшиков М.Ю.

Институт археологии РАН (Москва)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.19-20>

НЕСТАНДАРТНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕЛ В ПОГРЕБЕНИЯХ МУСУЛЬМАНСКОГО НЕКРОПОЛЯ КЫРК-АЗИЗЛЕР (КРЫМ, Г. БАХЧИСАРАЙ)

В 2018 г. в ходе охранных археологических работ на мусульманском средневековом некрополе Кырк-Азизлер, который расположен на окраине г. Бахчисарая в Крыму, было исследовано около 100 захоронений, совершенных по мусульманскому обряду, а также три погребения, которые были совершены в рамках иных религиозных представлений. Несмотря на некоторые различия в обрядовой части и наличие в четырех погребениях мусульманского инвентаря, что, безусловно, является нарушением традиции, но все же встречается в практике, большинство исламских захоронений содержали останки людей, положение тел которых вполне соответствовало нормам шариата. Некоторые тела при захоронении были помещены в деревянные гробы, о чем можно судить, основываясь на находках гвоздей по периметру погребения, но большинство тел имело признаки помещения в

могилы без домовин. Нередко прослеживаются признаки плотного пеленания тела.

Погребенные лежали либо на спине, либо с небольшим доворотом на правый бок. Иногда под правым боком, чтобы доворот был более выражен, помещалось небольшое искусственно сформированное скопление грунта или камни. Руки помещены вдоль тела, нередко одна или обе кисти руки лежат на тазовых костях. Голова обычно располагалась либо прямо, либо с доворотом вправо в сторону Мекки.

Однако на общем фоне стандартных по обряду погребений выделяется несколько захоронений, в которых положение тела отличается от принятых норм. Можно выделить две группы таких нестандартных погребений:

1. Положение тела в целом соответствует обрядовой составляющей исламского погребения, однако отдельные части тела расположены с нарушением устойчивой погребальной традиции.

2. Положение тела в могиле в целом не соответствует обрядам, которые должны были сопровождать погребенного при совершении ритуала. Можно предположить, что мы имеем ряд случаев погребения еще живого человека, который, находясь в могиле, пришел в себя.

Также в одном случае прослежено помещение двух тел в одну могилу, что является чрезвычайно редким, но допустимым в особом случае явлением в исламе.

Гаврилов К.Н.*, **Бужилова А.П.***, **Васильев С.В.****,
Гиря Е.Ю.***, **Стулова Д.И.***

**Институт археологии РАН (Москва)*

***Институт этнологии и антропологии РАН (Москва)*

****Институт истории материальной культуры РАН
(Санкт-Петербург)*

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.20-21>

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И СИМВОЛИКА СУНГИРСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ

Доклад посвящен характеристике пространственного положения погребений 1 и 2 в культурном слое Сунгирской стоянки, сравнительной характеристике погребальных комплексов Сунгирия и других ранне-верхнепалеолитических памятников Восточной и Центральной Европы. Несмотря на пристальное внимание археологов и палеоантропологов к этому выдающемуся памятнику археологии, которое не ослабевало на протяжении всего

периода изучения Сунгирской стоянки, начиная с открытия в 1964 г. первого погребения, ряд ключевых вопросов по-прежнему остается открытым. Это, прежде всего, время появления могил, причина смерти погребенных и уникальная сложность могильного комплекса Сунгирия. Последнее проявляется не только в исключительном богатстве погребального инвентаря, но и в сложности пространственной структуры могил, а также поз погребенных и их взаимного расположения. В докладе будут рассмотрены новые данные о стратиграфии погребений, доказательства насильственной смерти мужского индивидуума Сунгирь 1, а также результаты сравнительного анализа археологических и палеоантропологических характеристик сунгирского погребального комплекса и погребений, известных в Костенковско-Борщевском районе (Костенки 14, Костенки 15) и на территории Моравии (Павлов I, Дольни Вестонице I и II, Пшедмости) и относящихся ко времени, близкому к возрасту Сунгирской стоянки.

Галиева З.С.

Государственный музей Востока (Москва)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.21-22>

ДИСТАНЦИОННЫЕ МЕТОДЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ДЖЕТЫАСАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОГО ПРИАРАЛЬЯ

В Восточном Приаралье в бассейне северной речной системы Пра-Сырдарьи – Эскидарьялыка (III тыс. до н.э. – VIII в. н.э.) сохранились антропогенные ландшафты с основным комплексом археологических памятников джетыасарской культуры (VII–V в. до н.э. – VIII в. н.э.) (Левина, 1996). Начиная с первого дистанционного обследования Джетыасарского урочища в 1946 г. С.П. Толстовым и в дальнейшем с большими перерывами до 1990-х гг. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией АН СССР в бассейне Эскидарьялыка проводились разведки и раскопки городищ и некрополей. С 1973 г. Сырдарьинским отрядом под руководством Л.М. Левиной велись археологические исследования джетыасарских городищ, а с 1986 г. – могильников, в результате которых было изучено около 740 курганов, содержащих более 1000 захоронений. (Левина, 1974. С. 472; 1996. С. 7). Серьезной проблемой в изучении некрополей стало отсутствие насыпей у большинства курганов. Усилившиеся пустынные процессы – аридизация климата и выветривание – нивелировали с

дневной поверхностью курганы и границы разновременных могильников. Поэтому в 1973 г. Л.М. Левиной и Н.И. Игониным в окрестностях городищ Джетыясарского урочища была проведена специальная фрагментарная аэрофотосъемка. Необходимость в дешифровке аэрофотоснимков с целью поиска курганов, реконструкции могильников и их топографии привела в 90-х гг. прошлого века к моим исследованиям. Было проведено специальное и аналитическое дешифрирование юго-западных и юго-восточных групп городищ Джетыясар 2–8 и 11–13 (сер. I тыс. до н.э. – IV–VIII вв. н.э.) по материалам аэрофотосъемки 1973 г., хранящихся в фотоархиве Института этнологии и антропологии РАН (М – 1: 4500; 1: 8000; 1: 2000, 1: 2500) (Галиева, 1999). Древние ландшафты Джетыясарского урочища, запечатленные на аэрофотоснимках, оказались редкой сохранности. Здесь на протяжении тысячи лет исторические ландшафты наслаивались один на другой. Благодаря большой обзорности аэрофотоснимков и документальности изображения были разработаны эталонные дешифровочные признаки ключевых участков могильников с курганами без насыпей, уточнена их локализация, количество. В процессе аналитического дешифрирования выяснилось, что «чешуйчатая структура» курганных полей указывает на наслоение разновременных могильников. При этом четкие контуры пята курганов, демаскируемые растительными или почвенными индикаторами, характерны для поздних захоронений, ранние курганы проявляются на аэрофотоснимке по вогнутым полукольцам с размытым фоном. Особенности расположения могильников, курганов, базирующихся на данных археологических исследований, стали ключом в относительном датировании сложноструктурных наложений исторических ландшафтов Джетыясарского урочища (Галиева, 2002. С. 71–76). Аналитические исследования «стратиграфии» наложений всех структурных объектов антропогенного ландшафта (курганов, протоков, каналов) помогли систематизировать индикационные признаки в два эволюционных блока – одновременных и разновременных. Блоки составили структурные композиции антропогенных ландшафтов, косвенно указывающих на время их функционирования (блок I, II, IIa). В результате данных специального, аналитического дешифрирования и археологических исследований была установлена динамика эволюции культурного ландшафта Джетыясарского урочища на протяжении четырех периодов: V–II вв. до н.э.; I в. до н.э. – I в. н.э.; II–IV вв. н.э.; V–VIII вв. н.э.

Дорошко В.В., Лесная Е.С., Тюрин М.И.
*Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)*
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.23-24>

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОБРЯДЕ КРЕМАЦИИ НА НЕКРОПОЛЕ ХЕРСОНЕСА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Во время спасательных археологических работ 2021–2022 гг. комплексной экспедиции в Южном пригороде Херсонеса, на участке раскопа 2, выделенного для исследований отряду историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», было обнаружено 60 подпрямоугольных в плане ям. Наблюдения над особенностями их конструкции и заполнения позволили нам интерпретировать их как специальные места для совершения кремаций.

Позже в процессе раскопок подобные объекты были открыты и на других участках памятника (всего около 150 сооружений). В результате работы с ними наше предположение нашло поддержку и среди коллег.

Все рассматриваемые сооружения впущены в более ранний культурный слой, их стенки и дно имеют прокаленную глиняную обмазку. Размеры их разнятся, глубина же, как правило, составляет до 0.6 м. Объекты имеют в плане подпрямоугольную или овальную форму. Их особенностью является наличие специального усеченно-конического выступа («ушка»), расположенного в центральной части длинной стороны и служившего своеобразным поддувалом. В некоторых случаях имелся и второй выступ на противоположной стороне. Часто в заполнении обнаруживались остатки обожженных сырцовых кирпичей, из которых, вероятно, складывалась верхняя часть конструкции. В заполнении некоторых объектов встречались крупные, хорошо сохранившиеся обугленные фрагменты древесины. На дне ям, как правило, лежал мощный слой золы и углей, содержащий обломки обожженных костей и зубы человека.

Примечательно, что во многих ямах обнаруживались предметы или их части со следами воздействия огня. Очевидно, они укладывались вместе с телом на погребальный костер, а после сбора праха их по какой-то причине оставляли на месте сожжения. Чаще всего, это краснолаковые кувшины, гончарные ойнохои, стеклянные бальзамарии (почти всегда оплавленные) и гончарные флаконы. Также нередко встречались части погребальных венков, нашивных бляшек и ювелирных украшений из желтого металла. В редких случаях встречались бусины, фрагменты пряжек, колец и фибул. Отметим отсутствие светильников и сосудов открытых форм.

Предварительно находки следует датировать в пределах первой половины – середины II в.

Хорошо прослеживается районирование мест расположения кремационных площадок. На раскопе 2 открыты две компактные группы, расстояние между которыми составляет около 50 м. В этом интервале открыты погребения II – первой половины III вв. разной обрядности. Здесь же были урны с кремациями, и даже склеп-колумбарий с шестью нишами для установки урн. К сожалению, он был ограблен в древности и все находившиеся в нем урны разбиты.

Ранее во время исследований херсонесского некрополя такие сооружения не встречались, по крайней мере, в литературе их описание неизвестно. Наиболее близкий пример мы находим на некрополе Ольвии римского времени, где в разные годы были обнаружены пять подобных ям схожей конструкции. В нашем же случае впервые в Северном Причерноморье удалось исследовать целый участок некрополя, специально выделенный для совершения обряда кремации.

Дьякова О.В.

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток)*
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.24-25>

РОДОВАЯ ИЕРАРХИЯ ПОГРЕБЕНИЙ НЕКРОПОЛЯ МОНАСТЫРКА-3 В ПРИМОРЬЕ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Родовая иерархия захоронений средневековых тунгусо-маньчжуров, представленных мохэской, бохайской, чжурчжэньской культурами, – проблема, изучение которой в археологии Дальнего Востока только начинается. Инструментом для ее решения служит ретроспективный метод, позволяющий экстраполировать данные «живой этнографии» в археологический материал. В данном случае речь пойдет о мохэском могильнике Монастырка-III, расположенном на Северо-Востоке Приморья. На площади в 2351 кв. м вскрыто 88 захоронений, топография которых обнаруживает определенную структурную закономерность. Могильные ямы составляли ряды, тянувшиеся с северо-востока на юго-запад. Сами могилы ориентированы по линии запад–восток. Умерших хоронили способом кремации:

- 1) в могильной яме;
- 2) на стороне с последующим захоронением в могильной яме;

3) на месте с последующим возведением насыпи.

Ряды захоронений оказались скомпонованы в структурные группы. В первом ряду содержалась одна мужская могила. Ниже, в следующем за ним ряду, располагалось несколько могил, за вторым рядом следовал третий и т.д. Такая структура оставалась непонятной до знакомства с «живой этнографией» – маньчжурским кладбищем племени сибо, прямыми потомками мохэ и чжурчжэней. Кладбище маньчжуров-сибо имело четкую родовую иерархию, где каждый погребенный размещался в строго определенном месте. В первом ряду хоронился родоначальник. Во втором ряду хоронили сыновей с женами. В третьем ряду хоронили внуков и т.д. Когда кладбище закрывалось, могилу родоначальника переносили на новое кладбище. Родовая группировка могил на кладбище сибо совпадала со структурой мохэского некрополя Монастырка-Ш, на котором прослежено семь участков с родоначальниками в первом ряду, сыновьями во втором, внуками в третьем, правнуками в четвертом и т.д.

Особый интерес представляет структурная группа, во главе которой в первом ряду располагалась могила № 27, т.е. могила родоначальника. Второй ряд состоял из семи могил, т.е. сыновья и их жены, где в могиле № 29 оказался похоронен сын родоначальника с атрибутом власти – позолоченным бронзовым бубенчиком с надписью из четырех иероглифов «начальник крепости Шуйдаочэн». Крепость Шуйдаочэн сопоставима с Васьковской каменной крепостью, отстоявшей от некрополя Монастырка-Ш в 1.6 км и охранявшей вход в бухту Рудную Японского моря. В бассейне Рудной смыкались сухопутные и морские магистрали, которые, как видим, организованно контролировались начальником крепости Шуйдаочэн.

Елошкин Г.А.

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет (Новосибирск)*
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.25-26>

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ СВЕРТОК В КУЛЬТУРЕ ПАРАКАС: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТА ПЛОДОРОДИЯ

Носители археологической культуры паракас, существовавшей в период между 840 и 260 гг. до н.э., проживали на территории с экстремальными климатическими условиями. Юг побережья Перу, где сформировалась и развивалась культура, характеризуется высокими температурами, аридно-

стью и сильными ветрами. Как отмечают исследователи, занимающиеся этим регионом, эти природные особенности существенно повлияли на динамику культурного развития, мифологию, религию и искусство.

В этой связи крайне интересно проследить влияние климатического фактора на особенности религиозных представлений древнего перуанца, которые можно реконструировать по иконографии (текстиль, керамика, тагуировки, петроглифы, фризы зданий и т.п.) и по погребениям. Анализ композиций, представленных на текстиле, отчасти помогает в реконструкциях (начиная с социальной организации и заканчивая мифологией), но является недостаточным без привлечения данных о контексте обнаружения тканей. Носители культуры паракас усопших хоронили в погребальном свертке, состоящем из множества слоев богато декорированных тканей. Именно на них делается основной акцент при изучении мировоззрения человека культуры паракас, однако потенциал текстиля как археологического источника гораздо больше, если сочетать интерпретацию иконографии и самого погребального обряда.

Религия древних перуанцев стала отражением природно-климатических особенностей района, поэтому многие исследователи (в частности, американский историк искусства Энн Пол) смогли связать погребальный обряд с культом плодородия. Погребальный свертки, являющийся главным элементом погребения и реконструкции погребального обряда, можно назвать также и яркой иллюстрацией представлений носителей культуры паракас о загробной жизни. Форма свертка, а также сами ткани, из которых он состоит, и погребальный инвентарь не только демонстрируют видение человеком жизни после смерти, но и связывают эти идеи культом плодородия.

Емельянчик О.А.

Полоцкий государственный университет, (Новополоцк, Беларусь)
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.26-29>

ОПЫТ ДИФФЕРЕНЦИРОВАНИЯ РАЗНОВРЕМЕННЫХ ГРУПП ЗАХОРОНЕНИЙ В ПРЕДЕЛАХ ОДНОГО КЛАДБИЩА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БИОЛОГИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ

В ходе археологических раскопок на территории городов исследователи часто сталкиваются с наличием в пределах одного прихрамового кладбища безынвентарных христианских захоронений, относящихся к разному времени. В некоторых случаях в ситуации отсутствия четких ар-

хеологических и стратиграфических критериев датировки решить вопрос о дифференциации разновременных захоронений можно с использованием данных антропологической экспертизы.

Археологические исследования Спасо-Преображенского храма Спасо-Ефросиниевского женского монастыря в Полоцке проводятся, начиная с 2005 г. Церковь была построена в XII в. как храм-усыпальница, предназначенная для погребения духовных лиц, в первую очередь, для основательницы монастыря, преподобной Евфросинии Полоцкой, и ее близких. В ходе исследований был выявлен ряд аркосолий, а также каменные саркофаги XII в., расположенные вдоль южной и северной стен храма. На момент исследования все саркофаги оказались потревоженными: человеческие останки либо отсутствовали, либо представляли собой разрозненные скопления костей.

В ходе раскопок у стен Спасо-Преображенского храма было обнаружено большое количество погребений, датируемых предположительно XVIII в. Погребения многослойные, в связи с чем множество костей находилось в переотложенном состоянии. Половозрастной состав погребенных (равное соотношение мужчин и женщин, наличие большого количества детских останков), а также общие показатели смертности (ожидаемая продолжительность жизни, средний возраст смерти) близки показателям, характерным для городских кладбищ Полоцка XVII–XVIII вв. По своим краниологическим характеристикам серия мужских и женских черепов из погребений выявляет большое сходство с населением Полоцка XVII–XVIII вв.

Во 2-й пол. XVIII в., когда монастырь находился во владении католического ордена иезуитов, в подцерковье храма были сооружены погребальные крипты, предназначенные для погребения генералов ордена. Археологическое исследование крипт проводилось в 2005 г. Внутри были обнаружены многочисленные человеческие кости с примесью костей животных, бессистемно разбросанные на поверхности, либо прикопанные в неглубоких материковых ямах. Лишь в крипте, расположенной в центральной части подцерковья, были обнаружены частично сохранившиеся погребальные конструкции, в одной из которых находились человеческие кости, завернутые в истлевшую ткань с серебряной нитью. Тот факт, что кости лежали не в анатомическом порядке, а скелеты были представлены не полностью (отсутствовали отдельные кости ног и рук, мелкие кости кисти и стопы), указывает на то, что в погребальных конструкциях были перезахоронены скелетированные останки, первоначальное место погребения которых неизвестно.

В ходе антропологической экспертизы было установлено, что кости из погребальной конструкции принадлежали шести мужчинам зрелого возраста. Двое мужчин имели необычайно высокий для населения XVII–XVIII вв. рост (185 и 181 см), двое характеризовались высоким ростом (179 и 177 см), остальные двое имели небольшую длину тела (161 и 158 см). Черепа из погребальных конструкций характеризуются некоторым морфологическим своеобразием (выраженная брахикрания, крупные размеры мозгового и лицевого отделов, высокие орбиты) и достоверно отличаются от краниологических выборок местного населения. Учитывая находку в крипте католического нагрудного креста из бронзы, отпечаток которого был обнаружен на лицевой части одного из черепов, а также половозрастную и морфологическую специфику исследованной выборки, было сделано заключение, что выявленные скелетные останки могли принадлежать иезуитам.

Разрозненные фрагменты человеческих скелетов, обнаруженные на полу крипты, отличались от останков из погребальной конструкции по цвету, состоянию сохранности и половозрастному составу. В ходе антропологической экспертизы было установлено, что останки принадлежали не менее чем 28 индивидам, среди которых были представлены взрослые мужчины и женщины разного возраста, а также пять детей, что соответствует половозрастному распределению, установленному для группы захоронений у стен храма. По своим краниологическим характеристикам мужские черепа из крипты выявили значительное сходство с выборкой черепов из захоронений у стен храма. Это позволило сделать вывод о том, что бессистемно разбросанные кости из крипты происходят из прилегающего к храму кладбища.

В 2019 г. раскопки проводились у северо-западного угла Спасо-Преображенского храма. В одном из саркофагов XII в. было обнаружено скопление костей, представленное пятью черепами и фрагментами посткраниального скелета. Все черепа принадлежали женщинам разного возраста. Учитывая переотложенный характер костей, закономерно возник вопрос о том, относятся ли эти останки к группе захоронений у стен храма. В результате антропологического исследования было установлено, что по своим краниологическим особенностям женские черепа из саркофага существенно отличаются от женской выборки черепов XVIII вв. По форме мозгового отдела (удлиненная низкая черепная коробка) серия выявляет сходство со средневековым населением Полоцкой земли. Что же касается лицевого отдела, то по сравнению с краниологическими выборками местного населения эпохи Средневековья и Нового времени,

череп из саркофага отличались более узким и высоким лицом, узким носом, более высокими орбитами, а также более выраженной профилировкой лица, как на уровне орбит, так и на уровне скул. Примечательно, что женские черепки из саркофага отличаются от местного населения в том же направлении, что и мужские черепки XIII–XIV вв. с территории Нижнего замка в Полоцке (предположительно, погребения полоцкой аристократии). Морфологическое своеобразие исследованной выборки черепков позволило высказать предварительную гипотезу о том, что переотложенные останки из саркофага могут относиться к древнерусскому времени и принадлежать представительницам княжеского рода Рогволодовичей, связанного со скандинавами и представителями рода Рюриковичей. Подтвердить или опровергнуть данную гипотезу позволит проведение радиоуглеродного анализа и, в перспективе, палеогенетического исследования.

Таким образом, такие биологические критерии, как половозрастной состав погребенных, показатели смертности, а также морфологические критерии могут стать основанием для дифференцирования отдельных групп погребений в пределах одного кладбища. При этом биологические критерии не могут иметь самостоятельного значения при датировании захоронений, и должны быть подкреплены результатом комплексного исследования.

Кадиева А.А.*, **Демиденко С.В.****

**Государственный исторический музей (Москва)*

***Институт археологии РАН (Москва)*

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.29-30>

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДРЕВНИХ ПРЕДМЕТОВ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КAVKAZA (ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)

Ландшафт и природные условия горной зоны Северного Кавказа предусматривают не слишком большое разнообразие мест для размещения поселений и некрополей. В результате этого люди веками селились на одних и тех же местах, и размещаемые поблизости от территории проживания кладбища разных эпох часто перекрывали друг друга. Ярким примером такого могильника является Заюково-3 в Баксанском районе Кабардино-

Балкарской республики, где за девять лет раскопок обнаружено 311 погребений от VIII–VII вв. до н.э. до VII в н.э.

Постоянное сооружение позднейших погребений на насыщенных древними могилами участках вызывало разрушение последних. При этом зафиксирован случай, когда материалы из кобанского погребения (бронзовые булавки, пронизи, соединенные лозой и бронзовая бляха) были размещены в аланской катакомбе. Предметы, как и весь остальной инвентарь, были обнаружены в песке, заполнившем камеру после древнего ограбления. Однако сохранившаяся лоза, соединяющая пронизи, говорит о том, что предметы при разрушении кобанского погребения строителями катакомбы были не выброшены, а уложены в камеру.

В могильниках Алдар-Резен (III–V вв.), Песчанка (VIII в.) и Гоуст (VII–X вв.) были обнаружены ножи майкопской культуры, в ареал которой не входит горная зона Кавказа. Следовательно, эти предметы были не только извлечены из древних погребений, но и перемещены в пространстве. Возможно, эта же судьба постигла изображения псового хищника и медведя VIII–VII вв. до н.э., обнаруженные в катакомбах могильника Гоуст. Подобные подвески не свойственны восточной и центральной кобанским культурам, однако весьма характерны для западной.

Возможно, была перемещена в пространстве и фигурка птицы с головой барана из могильника Нижний Джулат. Фигурка была обнаружена в погребении III–I вв. до н.э., однако сама она датируется VIII–VII вв. до н.э. и происходит с территории горной зоны Кавказа.

Таким образом, очевидно, что население центральных районов Северного Кавказа сарматского времени – эпохи Средневековья могло придавать сакральное значение найденным древним предметам майкопской и кобанской эпох и помещать их в погребения умерших родичей. Возможно, под влиянием этих находок на территории между реками Баксан и Терек в I–VI вв. н.э. произошло возрождение искусства изготовления зооморфной пластики.

Каширская Н.Н.

*Институт физико-химических
и биологических проблем почвоведения РАН (Пушино)*
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.31-32>

ТЛЕННЫЕ ШЕРСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ КРЫМА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

При исследовании текстильных изделий из древних погребений было выявлено, что шерстяная ткань сохраняется лучше, чем ткань из растительного волокна. Однако находки сохранившейся одежды доисторического времени составляют единицы, и даже продукты деградации текстильных материалов обнаруживаются далеко не во всех погребениях. Для масштабного выявления следов подстилки и погребальных одежд из шерсти необходимо использовать новые методологические подходы. Известно, что деградация шерсти связана с микробиологической неселективной активностью. При исследовании деградации шерстяной одежды в процессе трупного разложения, в качестве основных микроорганизмов рассматриваются кератинофильные грибы. Повышенная численность кератинофильных грибов в грунтах из погребений может выступать как надежный показатель для идентификации изначального присутствия кератина.

Целью данной работы был микробиологический анализ подскелетных грунтов, содержащих остатки одежды, для выявления исходного присутствия шерстяных изделий в погребениях эпох бронзы и раннего Средневековья.

Объектами исследований послужили образцы грунта из погребальных комплексов Крыма и Северного Кавказа, датированных эпохами бронзы и раннего Средневековья. Численность кератинофильных грибов в образцах, репрезентативно отобранных под скелетами, из тонкого слоя между костями и почвообразующей породой, с соблюдением условий стерильности, оценивалась путем посева на шерстяные диски. Были проанализированы образцы грунта под черепом, позвоночником, тазом, коленями и ступнями. Были изучены четыре скелета из погребений эпохи бронзы (курганый могильник «Бейсужек-35»), семь скелетов из погребений античного времени (грунтовый могильник «Волна-1») и восемь скелетов из раннесредневековых захоронений (курганские могильники «Братские курганы», «Октябрьский» и «Киевский»).

В погребениях эпохи бронзы в трех случаях из четырех максимальная численность кератинофильных грибов была зафиксирована под ступнями

погребенных, что может свидетельствовать о наличии валяной обуви. В погребении № 7 кургана № 6 высокая численность кератинофильных грибов была выявлена во всех образцах грунта под костяком, а также в остатках погребальной подстилки. По-видимому, основным фактором в данном случае является наличие шерсти в составе погребальной подстилки.

В образцах грунта под скелетами из погребений античного времени и раннего Средневековья достоверного увеличения численности кератинофильных грибов в грунте под ступнями не было выявлено. Как в античных, так и в средневековых погребениях наибольшей численностью кератинофильных грибов характеризовались образцы грунта под позвоночником погребенных. В целом, для погребений этих временных периодов в случае присутствия кератинофильных грибов в грунтах под скелетами наблюдалось более равномерное распределение их численности. Это может свидетельствовать о наличии шерстяных элементов в одежде погребенных.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 22-28-01725.

**Каширская Н.Н., Чернышева Е.В., Хомутова Т.Э.,
Ельцов М.В., Пинской В.Н., Петросян А.А., Овсепян Р.**

*Институт физико-химических
и биологических проблем почвоведения РАН (Пушино)
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.32-33>*

МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭНЗИМОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ ПИЩИ В БЫТОВЫХ И ПОГРЕБАЛЬНЫХ СОСУДАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Использование методов почвенной микробиологии и энзимологии при изучении грунтов из погребальных сосудов с целью реконструкции заупокойной пищи основано на предположении, что в придонном грунте сосудов сохраняются жизнеспособные специфические микроорганизмы, использующие в качестве питательного субстрата пищевые продукты, выделяя при этом необходимые ферменты, которые также способны сохраняться в почве на протяжении длительных периодов. Основными объектами поиска микробиологических и энзимологических следов пищи являются сосуды из погребений, поскольку погребение обеспечивает хорошую сохранность грунта в сосуде. Грунты из бытовых сосудов, которые в неповрежденном состоянии редко, но все-таки встречаются в культурных слоях, до настоящего времени практически не исследовались. Однако, несмотря на слабую степень консервации грунта в сосудах из культурных слоев по сравнению

с погребальными сосудами, мы можем предположить остаточную сохранность биологической активности этого грунта в случае его исходного обогащения пищевыми продуктами. Особый интерес представляют мелкие керамические и стеклянные кувшинчики без следов нагара, поскольку такие объекты чрезвычайно редки. В древности они могли использоваться как для хранения пищи, так и в декоративных целях.

Целью нашей работы был поиск микробиологических и энзимологических следов пищевых продуктов в грунтах из погребальных и бытовых сосудов эпохи бронзы (поселение Мецамор, Армения). Для этого были проведены следующие анализы: оценка микробной биомассы методом определения содержания почвенных фосфолипидов, оценка численности олиготрофных, протеолитических, амилалитических и липолитических групп микроорганизмов на восьми вариантах твердых питательных сред, оценка фосфатазной (кислой и щелочной), липазной (С-4 и С-16), глицин аминопептидазной и лейцин аминопептидазной активности. Были изучены образцы грунта со дна семи погребальных и четырех бытовых сосудов небольшого размера, при этом в трех кувшинчиках, взятых из культурного слоя, для контроля степени консервации придонного грунта исследовался верхний слой заполнения.

Результаты, полученные для 15 показателей биологической активности, обрабатывались в программе Statistica с помощью метода главных компонент. Способность к росту на питательных средах (за исключением мясопептонного агара) была преимущественно связана с фактором 1, объясняющим 47.6% дисперсии, ферментативная активность (за исключением щелочной фосфатазы) – преимущественно с фактором 2 (24.2% дисперсии), а способность к росту на мясопептонном агаре и активность щелочной фосфатазы были тесно связаны с фактором 3 (11.6% дисперсии). Микробная биомасса была слабо связана со всеми тремя факторами. Среди погребальных сосудов был выявлен сосуд № 5 с высокой способностью микроорганизмов придонного грунта к росту на питательных средах и повышенной численностью амилалитиков. Грунт из погребального сосуда № 3 характеризовался высокими величинами ферментативной активности. Остальные погребальные сосуды показывали значительно меньшую биологическую активность по сравнению с бытовыми сосудами из культурного слоя. Среди последних – два кувшинчика из четырех характеризовались увеличением биологической активности по фактору 1 (сосуд № 1) и по факторам 2 и 3 (сосуд № 2) в придонном слое по сравнению с верхним слоем. В остальных бытовых сосудах биологическая активность придонного грунта мало отличалась от таковой в верхнем слое, что может свидетельствовать об отсутствии пищевых продуктов и декоративном назначении этих предметов.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-28-01725.

Клещенко Е.А.*, Тарасевич В.Н.**

**Институт археологии РАН (Москва)*

***Национальный исторический музей Республики Беларусь*

(Минск, Беларусь)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.34-35>

НЕКРОПОЛЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н.Э. НАВРЫ II: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Некрополь Навры II является частью комплекса археологических памятников Навры Мядельского района Минской области Республики Беларусь. На протяжении 2017–2020 гг. на территории некрополя была вскрыта общая площадь 733 кв. м. В границы раскопов попали курганы 12 и 13, содержавшие погребения по обряду кремации на стороне. На основании инвентаря и результатов радиоуглеродного датирования можно полагать, что курган 12 был сооружен в VII в. Датировка кургана 13 пока определяется на основании погребального инвентаря в рамках третьей четверти I тыс. н.э.

В процессе раскопок бескурганного участка могильника, расположенного к северу от курганов 12 и 13, было выявлено 19 объектов и «пятен погребений»/скоплений костей, большинство из которых интерпретируется как погребения по обряду кремации. Изученные погребения делятся на два типа: тип I – кремации в материковых ямках, тип II – кремации на дневной поверхности. Выявленный инвентарь позволяет отнести бескуранные погребения к культуре смоленско-полоцких длинных курганов и предварительно датировать их в широких рамках существования культуры – VIII – началом / первой половиной XI в.

Было проведено комплексное междисциплинарное исследование кремированных костей из погребений некрополя Навры II. При определении видовой и половозрастной принадлежности останков из погребения был применен сравнительно-анатомический метод исследования. Описание фрагментов костей проведено согласно общепринятым стандартам изучения кремированных останков, с учетом весовых показателей, размера, цветности, наличия характерных деформационных трещин.

Исследование кремированных останков из погребений обоих типов показало, что объекты представляют собой индивидуальные захоронения людей разных половозрастных групп. В наиболее крупных скоплениях, как правило, представлены останки всех отделов скелета человека. В небольших скоплениях, поверхностных рассыпаниях – разрозненные фрагменты (чаще всего – это фрагменты черепа и стенок длинных трубчатых костей).

В некоторых погребениях были встречены фрагменты костей животных, но доля этих фрагментов крайне мала (всего несколько небольших фрагментов). Это указывает на то, что население, оставившее могильник, повсеместно не использовало части или туши животных в погребальной практике, что является важным маркером для характеристики присущих им культурных традиций.

Кореневский С.Н.*, Медникова М.Б.*, Юдин А.И.**

**Институт археологии РАН (Москва)*

***АНО «Научно-производственный центр*

по сохранению культурного наследия» (Саратов)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.35-36>

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО МАЙКОПСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ НА ПОСЕЛЕНИИ ЧЕКОН 2018

В докладе рассматриваются захоронения в культурном слое поселения Чекон по раскопкам А.И. Юдина в 2018 г., которые составляют основу сообщения. Ранее три захоронения на этом памятнике были открыты В.В. Бочковым в 2011 г. Всего в 2018 г. на поселении Чекон было найдено 11 мест захоронений останков людей, захоронение собаки, коровы и жертвенный комплекс с черепом овцы. Из погребений людей наиболее информативными являются девять, которым присвоены номера от 1 до 9. Погребения № 10 и № 11 представляют собой разрозненные кости людей, которые могут отражать то ли расчленение и захоронение части скелетов, то ли нарушения по вине землероев. Погребение № 12 содержит останки неполного скелета в вытянутом положении на спине без вещей и иных сопровождающих показателей погребального обряда эпохи бронзы. Его дату, как и отношение к культуре, уточнить невозможно.

Описываемые в докладе захоронения совершались в ямах-полуземлянках или вне их. Обнаруженные захоронения по многим показателям отличаются от традиций майкопской практики погребения сородичей в курганных обрядах. Но можно считать, что эти захоронения совершались самими обитателями поселка. В итоге можно сказать, что мы сталкиваемся с принципиально новым видом погребальной практики для носителей майкопско-новосвободненской общности, который не был связан с курганным обрядом.

Практически все комплексы имеют радиоуглеродное датирование. Согласно датам они относятся к финальной стадии существования майкопско-новосвободненской общности.

Антропологические определения пола и возраста выполнены д.и.н. М.Б. Медниковой. Параллельно производилась оценка степени сохранности (комплектности) останков человека, описание тафономических изменений и поиск следов возможных посмертных манипуляций с телами умерших; регистрировалось наличие палеопатологических проявлений скелетной и зубной системы.

Коробов Д.С.*, Малашев В.Ю.*, Фассбиндер Й.**

**Институт археологии РАН (Москва)*

***Мюнхенский университет Людвига Максимилиана (Мюнхен)*

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.36-37>

НОВЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДКУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ РАННЕГО ЭТАПА АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Одним из наиболее ярких культурных феноменов на территории центральных и восточных районов Северного Кавказа в эпоху, предшествующую Великому переселению народов, являются древности раннего этапа аланской культуры. Открытые около 150 лет тому назад подкурганные захоронения в Т-образных катакомбах на равнинной территории Чечни и Южного Дагестана стали своеобразной «визитной карточкой» погребального обряда алан в регионе накануне гуннского нашествия. В настоящий момент известно более полутора тысяч раскопанных захоронений в катакомбах Центрального Предкавказья второй половины II – IV в. н.э., происходящих из полутора десятков могильников.

Коллективом разработан ряд методических приемов по выявлению и локализации подкурганных катакомб на материалах архивной аэрофотосъемки и космических снимков свободного доступа, а также последующего магнитометрического обследования намеченных к раскопкам участков. Курганные насыпи, практически полностью распаханые в советское время, тем не менее, выявляются в виде осветленных пятен на снимках с воздуха и из космоса. Последующее геофизическое обследование скоплений этих пятен позволяет выявить ровики вокруг насыпей, а также захоронения в катакомбах за счет усиления намагниченности и обогащения магнитным полем гумусированного заполнения углубленных конструкций рвов и затекшего грунта в грабительских лазах во входных ямах катакомбных сооружений.

Пространственная привязка геофизических полигонов размерами 40 × 40 м осуществлялась как путем «жесткого» закрепления на местности в

виде длинных металлических штырей (на территориях, не подверженных распашке), так и с помощью временных деревянных кольев (на пахотных участках). В первом случае производилась фиксация угловых координат сети с помощью лазерного тахеометра, во втором использовалась аппаратура GNSS-приемников геодезического класса.

На заключительном этапе были отобраны объекты для археологического исследования, частично восстановлена сеть геофизических полигонов и проведены раскопки интересующих комплексов по общепринятой методике.

В докладе показаны результаты использования данной методики в ходе наших работ 2012–2020 гг. при исследовании курганного могильника Левоподкумский I в северной части Кисловодской котловины, двух участков Бесланского курганного катакомбного могильника на северо-западной окраине г. Беслан, а также участка курганного могильника Киевский I на окраине одноименного села в Моздокском районе Республики Северная Осетия – Алания.

Коробов Д.С.*, **Бульгина Е.С.****, **Слободова Н.В.****,
Шарко Ф.С.**, **Недолужко А.В.*****

**Институт археологии РАН (Москва)*

***НИЦ «Курчатовский институт» (Москва)*

****Европейский Университет в Санкт-Петербурге (С.-Петербург)*

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.37-38>

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГЕНЕТИЧЕСКОМ РАЗНООБРАЗИИ ЖИТЕЛЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В I ТЫС. ДО Н.Э. – I ТЫС. Н.Э.

В докладе представлены результаты изучения генетического разнообразия населения Центрального Предкавказья в эпоху позднего бронзового – раннего железного веков и раннего Средневековья. Авторами было проанализировано 120 образцов из 10 могильников кобанской и аланской культуры, а также представителей среднесарматской культуры и северокавказского населения сарматского времени. Получены сведения об изменчивости митохондриальной ДНК (мт-ДНК) 71 индивида. Анализ собранной и опубликованной ранее информации позволяет заключить, что для проанализированных популяций характерно значительное разнообразие мт-ДНК с преобладанием западно-евразийских митохондриальных гаплогрупп. Восточно-евразийские линии наследования прослеживаются в небольшом количестве у населения кобанской культуры (5%), а также у сарматского (14%) и аланского населения (11%). Наиболее распространенными линия-

ми западно-евразийского происхождения являются различные варианты гаплогрупп H, U и T. При этом, на всех могильниках наблюдается существенное разнообразие гаплогрупп мт-ДНК, кроме могильника Кич-Малка II, где на протяжении VII в. до н.э. – нач. VI в. н.э. фиксируется преемственность индивидов по материнской линии, представленная гаплогруппой H2a2a1, исследования которого требуют более детального подхода с использованием глубокого секвенирования. Сопоставление проанализированной выборки с опубликованными ранее данными о генетическом портрете северокавказского населения раннего и среднего бронзового века позволяет сделать вывод о достаточно позднем проникновении представителей восточно-евразийского кластера гаплогрупп мт-ДНК в Центральное Предкавказье, вероятно, связанное с контактами населения кобанской культуры с кочевым степным населением.

Проведенный анализ ядерной ДНК позволил впервые определить ограниченное количество образцов Y-хромосомы представителей кобанской культуры, передающейся по мужским линиям наследования. Среди участвовавших в анализе пяти погребенных в могильниках Клинь-Яр III и Заюково-3 выделены по два носителя гаплогрупп G2a1a и R1b, а также один с гаплогруппой D1a. Проведенный полногеномный анализ пяти носителей кобанской культуры при участии одного представителя раннего этапа аланской культуры, в сравнении с ранее опубликованными данными, наглядно продемонстрировал генетическую преемственность населения Северного Кавказа на протяжении бронзового и железного веков.

Коц А.Л.

Полоцкий государственный университет (Полоцк, Беларусь)
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.38-39>

ИЗУЧЕНИЕ РАЗНОВРЕМЕННЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ХРАМА В ПОЛОЦКЕ

Спасо-Преображенский храм в Полоцке – памятник достаточно хорошо известный в научной литературе. Часто его можно встретить под именем Спасский собор (церковь или храм). Его научное изучение продолжается с XIX в., но только во время последнего этапа реставрации были проведены археологические исследования на прилегающей к храму территории. Данные раскопки показали наличие пристроек к храму, так называемых галерей. Храм был окружен ими со всех сторон, кроме восточной

части – апсиды. Главным образом галереи сооружались для организации в них погребений в камерах-саркофагах. Они были выложены из мелкоформатной плитки и раскапывались по методике архитектурной археологии. Преимущественно все саркофаги были разграблены и в основной своей массе разрушены. В контексте южной галереи, в юго-западном углу всего храмового комплекса был обнаружен уникальный подземный храм, который также предназначался для размещения тут единичного захоронения в аркосолии северной стены. Аналогичные аркосолии расположены в стенах в наосе храма и постепенно раскрываются реставраторами. Они расписаны фресками и не содержат захоронений.

На разных этапах существования храм претерпевал значительные перестройки. Одна из них была произведена в XVII в. и связана с сооружением подземных крипт под основным объемом храма. Она предназначалась для захоронения тут кардиналов Ордена иезуитов, которым принадлежал монастырь с конца XVI по начало XVIII в. Данные крипты изучались в 2005 г. Д.В. Дуком, который определил, что практически все погребения были разграблены. Только в одной крипте располагалось нетронутое погребение XVII в.

Все галереи Спасо-Преображенского храма были разрушены к концу XVII в. После чего на прихрамовой территории, в том числе и поверх галерей, было организовано кладбище. В конце XVII – начале XIX в. оно действовало как городское кладбище, вероятно, для католического населения. А с середины XIX по середину XX в. на данном кладбище хоронили представителей женского монастыря и священнослужителей. Во время раскопок на площади 250 кв. м было зафиксировано более 130 погребений конца XVII – начала XX в.

Кудинова М.А., Комиссаров С.А., Соловьев А.И.

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.39-40>

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ЭЛИТНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ «СОГДИЙЦЕВ» В КИТАЕ

Элитные погребения китайских «согдийцев» – могилы Ань Цзя, Ши-цзюня (Виркака), Юй Хуна, Кан Е и др. – предоставляют богатейший материал для изучения различных сторон жизни выходцев из Центральной Азии на территории Китая в эпоху раннего Средневековья. В то же время,

изучение этих погребальных комплексов требует от исследователей выработки новых аналитических подходов.

Главная сложность интерпретации погребального обряда, воплощенного в «согдийских» гробницах заключается в том, что они представляют собой своеобразный «гипертекст» из нескольких связанных между собой нарративов, отражающих множественные идентичности покойных. На примере хорошо сохранившейся и не разграбленной (!) могилы сабао Ань Цзя можно выделить следующие элементы:

1) конструктивные особенности гробницы – отражение социального статуса покойного как чиновника, состоявшего на государственной службе;

2) сопроводительный инвентарь и следы проводившихся в гробнице ритуалов — отражение не китайского происхождения и статуса Ань Цзя как руководителя общины иностранцев, а также как подданного сяньбийской династии, правившей в Северном Чжоу (точная этнокультурная атрибуция затруднена в силу недостатка данных, но она не обязательно связана с согдийской традицией, нельзя исключать сяньбийское и/или тюркское влияние);

3) рельефы и росписи наддверного панно и погребального ложа – отражение принадлежности Ань Цзя к иранско-центральноазиатской культурной традиции и зороастрийско-маздаистскому мировоззрению;

4) текст эпитафии, помещенной в гробницу, – отражение идеологической ориентации покойного как адепта конфуцианского учения.

Интерпретация каждого из этих «текстов» включает следующие ступени:

1) трактовка в контексте общекультурной традиции (например, текст эпитафии анализируется как часть конфуцианской литературной традиции, а изображения на рельефах могут быть поняты только в сопоставлении с изобразительными и нарративными материалами ирано-согдийского круга);

2) трактовка в контексте всех погребальных комплексов китайских «согдийцев», включавших устойчивый набор элементов: погребальная камера с дромосом, сопроводительный инвентарь, росписи и/или рельефы, эпитафии;

3) трактовка в контексте данного погребального комплекса в сопоставлении с другими элементами погребального обряда.

На примере гробниц китайских «согдийцев» можно наблюдать мультикультурный подход в действии. Выделение специфических черт погребального обряда, стилистический и семантический анализ изображений на рельефах в сопоставлении с данными эпиграфики подтверждают тезис о синкретическом характере исследуемых комплексов, сочетавших элементы зороастрийской, конфуцианской и буддийской религиозно-мировоззренческих систем и элементы погребального обряда, восходящие к согдийской, китайской (ханьской) и кочевнической (сяньбийской или тюркской) традициям.

Ларенок О.П.

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.41-42>

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ДНЕПРО-ДОНСКОЙ БАБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ДОНА

Металлические изделия в погребениях днепро-донской бабинской культуры составляют скромное количество из общей массы сопутствующего инвентаря. Из 380 используемых в исследовании захоронений, находящихся на территории Нижнего Подонья, вещи, сделанные из бронзы, были найдены в 14 комплексах.

Всего в исследуемом регионе встречено девять видов бронзовых предметов, которые по основному функциональному предназначению можно распределить на две большие группы – украшения и предметы культа. В единственном случае было зафиксировано пятно от истлевшего бронзового предмета в курганном могильнике Верхне Чирский II к2/п12. Большую часть изделий из металла составляют украшения – очковидные подвески, трубочки-пронизи, нашивные диски-бляшки, шейные гривны, колечко. В немного меньшем количестве представлены предметы культа – шилья, пластины, скрепки, проволоки для деревянной посуды и изделий из дерева.

Распределение видов металлических изделий и половой принадлежности захороненного в ряде случаев имеет непосредственную связь. Только в женских погребениях были встречены очковидные подвески (четыре экз. из трех комплексов) и трубочки-пронизи (Бургуста I к5/п11, Ребриковка II к1/п7). Нередко они были дополнены бусами из цилиндрического, двурожкового или трехрожкового бисера, а также сверленными клыками собак, сердоликовыми бусинами, украшениями из сверленных речных раковин, нашивными бронзовыми дисками, фрагментами проволоки (Ларенок, 2021. С. 72).

Самой маленькой категорией бронзовых изделий являются нашивные диски, или бляшки, небольшие по размеру, округлой формы с небольшим отверстием по центру. Они повсеместно встречаются и в мужских погребениях. Из-за своих маленьких размеров и недостаточной толщины, нашивные диски не выдерживают длительного нахождения в земле и зачастую при изъятии рассыпаются (Хапры-79, Ясиновский III).

Погребальным инвентарем, характерным для мужских захоронений, является следующий вид бронзовых изделий – шейная гривна. Р.А. Литвиненко

отмечал, что гривны маркируют не только половую принадлежность погребенного, но и составляют одну из определяющих черт раннего периода бабинской культуры (Литвиненко, 2006). Распространены изделия по всему ареалу культурного круга Бабино. На данный момент известна одна гривна на Нижнем Дону в курганном могильнике Гать III, к16/п5.

Культовые предметы из бронзы встречены в рассматриваемом регионе в наименьшем количестве. В этой группе преобладают бронзовые скобы, или скрепки. Они бывают разных размеров и форм. Но объединяет их одно функциональное значение – скрепление деревянных предметов.

Такое малое количество бронзовых вещей во всех погребениях бабинской культуры свидетельствует об уменьшении использования рудников, по сравнению с прошлой катакомбной культурой (Бровендер, 2016). Подтверждающим фактором выступает скромное количество литейных форм и заготовок (Бровендер, 2016). Такое явление связано с ухудшением общей климатической обстановки в регионе, о чем неоднократно писал ряд ученых (Lytvynenko, 2013; Бровендер, 2016; Мимоход, 2022).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90033 Аспиранты.

Леонтьева А.С.

ООО «Артефакт» (Ростов-на-Дону)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.42-44>

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ СИМБИОЗ ЗМЕЙСКОГО МОГИЛЬНИКА

Змейский катакомбный могильник известен с начала XX в., однако научные раскопки по методике ведения археологических работ были начаты только в 1953 г. и продолжались с небольшими перерывами вплоть до 2014 г. По подсчетам Р.Ф. Фидарова и автора доклада, на сегодняшний день раскопано 610 катакомб и 724 некатакомбных погребения. До раскопок 2013–2014 гг. было не совсем ясно, как взаимосвязаны катакомбы и 69 известных на тот момент ямных погребений. В.А. Кузнецов отождествлял их с рабами. Однако, материалы раскопок последних лет дали ответ на вопрос, как взаимосвязаны катакомбы и ямные погребения.

Общая планиграфия всего могильника показывает нам, что в юго-западной оконечности выше по склону катакомбы располагаются очень близко друг другу. Это ранний участок могильника, который начал формироваться в середине – конце X в. Наблюдается большая скученность на одном пятачке. Зафиксировано несколько случаев перерезания дромоса дромосом,

напыла камеры на камеру. Для алан X–XII вв. семейные и кровные связи были важнее, чем религиозная принадлежность. Поэтому так важно было устроить катакомбу именно на данном участке холма/террасы.

В камерах X–XII вв. найдено немного крестов. Алан этого времени нельзя отождествлять полностью как христиан. Погребальный инвентарь, представленный множеством категорий на этот период, отражает имущественное, социальное и профессиональное положение человека в обществе. В этот период по письменным источникам христианизирована только аланская элита. Вероятно, основная масса, захороненная в могильнике, христианами еще не являлась.

Раскоп III 2013–2014 гг. – это переходный участок по времени на могильнике. Он содержит как катакомбы, так и некатакомбные погребения X–XII вв., так и такие же могильные сооружения рубежа XII–XIII и XIII–XIV вв.

Раскоп I 2013–2014 гг. – это финальный участок могильника, и находится он на северо-востоке в пойме Терека; он датируется рубежом XII–XIII в., здесь есть и комплексы XIII–XIV вв. Катакомб этого периода времени значительно меньше и располагаются они свободно, скученности не наблюдается. В катакомбах инвентарь представлен в основном украшениями. Нет тех категорий, что были раньше – оружие, орудия труда, – в несколько раз меньше украшений и их разнообразия. Это связано с более широким распространением христианства, то есть рядовые члены общества скорее являются христианами. Также принимается аланами ислам. Более широкое внедрение религиозных практик снижает возможности погребального инвентаря в отражении статуса, богатства и профессиональной принадлежности в аланском обществе. Люди, похороненные в катакомбах раскопа I, почти в 100% случаев, лежат головой направо от входа, то есть на запад. Здесь уже не ориентировка внутри катакомбы, устроенной в склоне, играет роль, а религиозные воззрения. У многих погребенных руки согнуты на груди, животе или тазе.

Также среди катакомб зафиксировано около 700 некатакомбных погребений. В большинстве случаев – это ямы, встречаются и подбойные погребения. Больше всего ямных погребений с южной ориентировкой, а не западной. Руки у этих погребенных также согнуты в локтях и бывают перекрещены. Их отождествляем как христиан. На раскопе II выделяется мусульманский участок, на котором среди катакомб и христианских погребений выявлены единичные мусульманские захоронения.

Наряду с захоронениями в ямах и подбоях, зафиксировано около 70 погребений в стенках дромосов и в заполнении дромоса или в/на полу дромосов. Покойные лежат головой к входу в камеру. Количество погреб-

бального инвентаря и его представительность одинаковы как в поздних катакомбах, так и в подбойных и дромосных захоронениях и в ямах.

Захоронения в уже существующих катакомбах не прерываются одноментно: появляются дромосы, не имеющие камер, с подбойными погребениями в стенках, что является переходным этапом от катакомбы к подбою и яме.

Таким образом, в период с последней трети X до середины XII в. у аланского населения Эльхотовских ворот мы наблюдаем сосуществование нескольких погребальных традиций. Сначала это катакомбы и ямные погребения с X по середину XI в. В XII–XIII вв. продолжает существовать обряд погребения в катакомбах, но постепенно происходит отказ от этого погребального обряда. С этого времени увеличивается количество ямных погребений с южной ориентацией погребенных. Причинами сосуществования и затем смены погребальной обрядности являются, вероятно, принятие ислама и более широкое распространение христианства среди рядового населения, а также изменившиеся идеологические представления. Время замены одной традиции погребения другой, предположительно, укладывается в рамки одного столетия.

Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В.

Государственный Эрмитаж (С.-Петербург)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.44-45>

ПОГРЕБАЛЬНО-РИТУАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ В ВЕРХНЕМ ПОДВИНЬИ В III ТЫС. ДО Н.Э.

Третье тыс. до н.э. – время существования культуры свайных поселений на территории Верхнего Подвинья, в материалах которой отражаются различные векторы культурных влияний – со стороны запада (например, культуры шаровидных амфор, жуцевской), возможно, степных культур юга. К первой половине – середине III тыс. до н.э. относятся два грунтовых погребения на ст. Удвяти I (Псковская область), а также грунтовый могильник близ дер. Туринщина (Смоленская обл.). Последний связывают с проникновением в этот регион носителей традиций культуры шаровидных амфор. Картирование мест расположения боевых топоров на территории Псковской и Смоленской области, которые часто интерпретируются как элементы культа, позволяет предположить активную вовлеченность этого региона в сети коммуникации культуры шаровидных амфор в первой половине III тыс. до н.э. Поблизости от свайного поселения Сертея II бы-

ли найдены остатки трех (в т.ч. двух женских) костяков, которые были намеренно оставлены в прибрежной зоне палеоводоёма в непосредственной близости от поселения. Они датируются началом III тыс. до н.э. Рядом были обнаружены янтарные украшения, костяные орудия, которые могли принадлежать умершим. Возможно, данный ритуально-погребальный обряд предполагал намеренное оставление тел умерших в подобных условиях. К финалу существования культуры свайных поселений относится несколько погребально-ритуальных объектов. Один из них – памятник одиночный курган у дер. Сертея – это выжженная площадка, окруженная ровиком с оставленным подношением в виде пережженных частей лося со следами бронзовой патины.

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 22-18-00086.

Мельник В.И.

Институт археологии РАН (Москва)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.45-46>

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ КОМПОЗИЦИЯ

Практика создания специального погребального комплекса является весьма распространенной среди множества способов обращения с умершими. Погребальный комплекс в процессе совершения обряда приобретает особое символическое значение. Происходит некое отчуждение предметной среды и создается самостоятельная символическая картина. Это результат обряда, но уже не сам обряд. Утилитарная основа, выполняя свою функцию, получает дополнительную нагрузку. Это уже не просто реализованная практическая необходимость, не просто комплекс вещей и сооружений, а сознательно созданная символическая композиция. Учитывая ее особую роль и специфику, она нуждается в специальном обозначении. Как представляется, наиболее подходящим термином может быть погребальная инсталляция. Обрядовые действия, опираясь на утилитарную основу, создают символическую окрашенность данной предметной среды и оставляют ее в этом качестве.

Символика погребальных комплексов, известная по этнографическим и историческим свидетельствам, отличаясь большим разнообразием, отражает вместе с тем, некую древнюю, более общую основу, связанную с переходом в мир иной. Это обстоятельство может быть учтено при археологическом изучении погребений, когда отсутствуют такого рода источники.

Представляется возможным рассмотреть с этой позиции символическую традиционную основу катакомбных погребальных комплексов эпохи бронзы восточноевропейских и предкавказских степей. Если катакомбный погребальный комплекс рассматривать как погребальную инсталляцию с точки зрения обряда перехода в мир иной, то, очевидно, что такая инсталляция фактически демонстрирует атрибутику жизнеобеспечения. Это пища, одежда, укрытие, что является общим условием для перехода. В этом переходе может быть обозначен статус погребенного (в широком смысле): возрастной, гендерный, профессиональный, социальный и его индивидуальные особенности. Проведение процесса перехода может отражаться в цветовой гамме атрибутов инсталляции: меловая посыпка дна камеры (белый цвет), подстилки и покрытия (черный цвет), посыпка охрой (красный цвет), что соответствует очищению, упокоению, возрождению. Закрытие входа в камеру означает отделение и защиту пространства погребенного. Сателлиты погребальной площадки и сопутствия дромоса обеспечивают дополнительную защиту пространства погребенного – камеры: жаровни – «окуривание», очищение, а кости (мясо) животных – жертвоприношение. Итог обряда – погребальная символическая композиция, то есть погребальная инсталляция. Особенность такой композиции заключается в ее концентрическом строении, что соответствует реальному состоянию человека, создающего защитные оболочки в противостоянии с природой. Традиционная символическая основа может выступать фундаментом, на котором строились частные, специальные и иные смысловые действия новой обрядности.

Меньшиков М.Ю.

Институт археологии РАН (Москва)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.46-47>

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФОТОГРАММЕТРИИ В ПРОЦЕССЕ ФИКСАЦИИ ПОГРЕБЕНИЙ

На сегодняшний день большое развитие в археологии получили современные методы объективной фиксации археологических находок и объектов на основе построения трехмерной модели с последующим формированием ортофотоплана и перевода полученного изображения в графический формат. Особенно данный способ фиксации актуален при спасательных археологических работах с большими массивами конструкций и различ-

ных объектов на широких площадях. Подобная фиксация идеально подходит для каменных панцирей, набросов и кладок. С некоторыми оговорками данную методику можно использовать для сохранившихся в мокром слое деревянных конструкций. Но существуют ситуации, когда последующая камеральная перебежка ортофотопланов, вместо подробных правильно исполненных в поле чертежей, может привести к накоплению ошибок и неверной интерпретации исходной полевой ситуации. Особенно часто это может происходить, если речь идет о работах на больших площадях, в сжатые сроки, когда ведение работ обретает порой формат конвейерного производства. Нередко при фиксации сложных объектов их понимание и структура становятся очевидными лишь в процессе разборки конструкций и подробного поэтапного отражения данного процесса как на чертежах, так и в полевом дневнике, что не позволяет ускорить фиксацию археологического объекта за счет использования метода фотограмметрии.

Аналогичную двойственную ситуацию мы можем проследить и при стремлении применения фотограмметрии с последующим построением ортофотопланов при работе с погребениями. Как показывает практика работы, подобная методика идеально подходит для памятников, где есть стандартный погребальный обряд при полном отсутствии или малом количестве погребального инвентаря.

Идеальными условиями для ведения фиксации фотограмметрическим способом является наличие следующих составляющих: тело погребенного размещено в неглубокой могиле без подбоев и отрицательных вертикальных углов, никакая часть погребения не перекрывается конструктивными элементами при вертикальной проекции, кости хорошей сохранности и находятся в анатомической целостности на своих местах, границы могильной ямы четко читаются, цвет костей хорошо выделяется на фоне грунта, погребальный инвентарь отсутствует или представлен крупными выразительными предметами, цвет которых не сливается с фоном грунта.

При наличии же глубоких и узких могил и подбоев, необходимости многоярусной фиксации отдельных элементов погребения, в случаях, когда кости повреждены и перемещены, а также при наличии предметов, которые в световом спектре неотличимы от фоновых поверхностей (например – мелкие коррозированные предметы из железа на фоне грунта, расколотый фаянсовый бисер на фоне костей и т.д.) фотограмметрия не может быть основным способом фиксации, а является лишь вспомогательным. В этом случае фотограмметрическая съемка, помимо дневниковых записей, должна сопровождаться столь подробным кроком к ортофотоплану, что становится более целесообразным произвести традиционную археологическую зарисовку погребения на миллиметровке в масштабе 1:10.

Недомолкина Н.Г.

Вологодский государственный музей-заповедник (Вологда)
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.48-49>

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКОВ С НАРУШЕННОЙ АНАТОМИЧЕСКОЙ ЦЕЛОСТНОСТЬЮ КОСТЯКА НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕЙ СУХОНЫ

Исследования могильников в 1990–2000-е гг. в бассейнах реки Сухоны, Кубенского озера позволили существенно дополнить наши знания по погребальным традициям, бытовавшим в регионе в каменном веке. Здесь выявлен обряд членения костяков.

Захоронения найдены на комплексе поселений Вёкса. Памятники расположены вдоль левого берега реки Вологды, при впадении небольшого притока Вёкса. Протянувшиеся на два километра поселения, в верхней западной части от устья Вёксы называются Вёкса 1, а в нижней части комплекса к востоку от устья – Вёкса 3. Исключительная важность поселений связана с хорошо стратифицированной последовательностью археологический слоев, толщина которых достигает 3 м, и которая охватывает все периоды от раннего неолита до Средневековья. Могильники связаны с глинистыми отложениями, которые бывают полностью затоплены в период паводков и высокого уровня воды.

На поселении Вёкса 1 выявлено пятнадцать охристых могильных ям и одно погребение без охристой подсыпки. Почти все могильные ямы сопровождались верхними охристыми пятнами. Между верхним охристым пятном и могильной ямой прослежены прослойки желтой материковой глины, практически не пропитанной охрой, мощностью до 0.2 метра. Конфигурация могильных ям четко прослеживалась в светло-желтой глине благодаря интенсивному охристому заполнению, в котором находились костные останки. Могилы в основном подпрямоугольной формы. Ширина могил связана с количеством, длина – с ростом обнаруженных погребенных. В могильных ямах №№ 1 и 2 были захоронены только черепа. Всего по останкам черепов в могильнике было захоронено около 30 индивидуумов.

На уровне охристых пятен прослежено большое количество столбовых ямок. Благодаря надземным столбовым конструкциям, при плотном сосредоточении на небольшой площади, погребения только в двух случаях перекрывают друг друга. В полевых условиях состояние кости в погребениях было сильно размягченным, но след светлого тлена кости хорошо прослеживался в яркой охре. По возможности, все черепа были выбраны

монолитами для дальнейшего определения. Материал погребений в монолитах представлен фрагментированными кальцинированными разрушенными элементами костных тканей, с расслоенной компактой и отсутствующим губчатым веществом*.

Обращаясь к наличию сходных элементов погребального обряда в территориально и хронологически близком диапазоне, находим, что подобные черты характерны для мезолитических – неолитических могильников Восточного Прионежья, Кубенского озера. Могильник поселения Вёкса 1 может быть отнесен к периоду неолита – энеолита, соотноситься с неолитическими комплексами памятника, энеолитическим комплексом поселения типа Модлона II и датироваться IV – началом III тыс. до н.э.

На поселении Вёкса 3 исследовались погребения в яме. Конструкция ямы округлая в плане, имела размеры 62 × 66 × 51 см. В заполнении ямы представлены скелетные останки двух индивидуумов – мужчины около 40-45 лет и неопределенного по полу возрастом около 20 лет. Положение костей свидетельствует о расчленении трупа до/при погребении, хотя явных следов воздействия на костях не выявлено. Погребение сопровождается сосудами. Захоронение связано со слоем 7, содержащим материалы периода развитого неолита (даты по C14 5650±150 (ГИН-10182), 5700±700 (ЛЕ-5857)) с ямочно-гребенчатой керамикой «северных типов». Необычная конструкция могильной ямы, положение костяков, затрудняют поиски аналогий. Датировки погребений по костям из-за отсутствия коллагена не были успешны.

Некраш А.А.

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет (Новосибирск)
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.49-50>*

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ОДИНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (БАРАБИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ)

На территории Барабинской лесостепи изучение синхронных могильников одиновской культуры (Тартас-1, Сопка-2, Преображенка-6, Усть-Тартас-2) позволяет выявить локальные особенности погребальной практики населения, оставившего эти некрополи. Исследование базируется на опубликованных материалах.

Погребальная практика могильников одиновской культуры демонстрирует несомненное сходство. Некрополи располагались в глубине терра-

сы. Умершие уложены в вытянутом положении на спине, головой на СВ. Зафиксированы первичные и вторичные захоронения. Инвентарь встречается редко. Могилы сопровождаются ямами, в которых обнаружены остатки пищи, керамика, следы бронзолитейного производства.

При этом, можно выделить свои локальные особенности:

Усть-Тартас-2 – могильник локализовался на краю террасы. Зафиксированы погребения с декапитацией, в одном из них умершие уложены «валетом» (погр. № 76); отмечены ярусные захоронения, в одном из них мужчина был уложен на спину, на нем располагалась женщина на животе (погр. № 65).

Тартас-1 – зарегистрированы погребения с особенным положением рук: в одном случае руки умершего были заведены за спину. Отмечено редкое присутствие сопроводительных ям без находок.

Преображенка-6 – сопроводительный инвентарь находился, в основном, в ямах. Отсутствуют вторичные погребения.

Сопка-2/4А – выявлен разнообразный по количеству и составу инвентарь. Кроме стандартных изделий из кости встречаются: проколки из костей волка, лося, гуся, лебедя и журавля; кайло и гребни. Массовыми являлись категории: оружие и украшения человека. Зафиксированы предметы искусства: навершие в виде головы птицы, пряжка в виде головы медведя, каменные подвески в виде скульптурки медведя, миниатюрные чашечки из рога.

Наибольшее сходство в элементах погребальной практики прослеживается между могильниками Тартас-1 и Сопка 2/4А. Разница между ними проявляется на уровне сопроводительного инвентаря, например, предметы искусства выявлены на памятнике Сопка 2/4А. Повторим, что обнаружены изделия из кости: гребни, кайло, чашечки из рога лося, астрагалы, навершие жезла в виде головы птицы и разнообразные предметы вооружения и бронзовые украшения.

В качестве отличительных особенностей могильника Тартас-1 можно выделить: 1) отсутствие в непосредственной близости от захоронений сопровождающих жертвенных ям с инвентарем и костями животных; 2) захоронение детей исключительно с костяными артефактами; 3) в захоронениях не найдено костяных и каменных изображений животных и человека и наверший ритуальных жезлов, которые были обнаружены на всех других могильниках – Сопка-2/4А, Усть-Тартас-2 и Преображенка-6.

Сергеев А.Ю.

Институт археологии РАН (Москва)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.51-52>

**АРХЕОБОТАНИКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ:
СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ
И ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННЫЙ ПОИСК
РАСТИТЕЛЬНЫХ МАКРООСТАТКОВ**

Интерес к ботаническим находкам в археологии начался именно при исследованиях погребальных памятников (1826 г.), когда было проведено первое изучение плодов и семян растений, использованных в качестве заупокойных даров в древнеегипетских гробницах (Фивы). За прошедшие два столетия было выполнено довольно много археоботанических работ на различных типах могильников, но в основном они были ограничены определением визуальных находок хорошей сохранности, как правило, происходящих из неразграбленных статусных захоронений. Рядовым и нарушенным погребальным сооружениям до сих пор уделяется мало внимания. Однако, потревоженные захоронения могут содержать не только остатки первоначального погребения и связанного с ним ритуала, но и имеют свою постпогребальную историю, в которой часто отражены самые разные процессы: переиспользование сооружений под вторичные захоронения, жилища и хозяйственные нужды, деятельность норных животных, действие абиотических факторов. Все эти события отражаются и в археоботанической составляющей заполнения подобных объектов.

Случайные попадания современных растительных остатков в погребения, в первую очередь семян, добавляют сложности при обработке археоботанических коллекций. Это происходит в результате активности землероев, появления трещин в грунте. Если погребальный обряд подразумевает использование огня, то проблем с интерпретацией ботанических находок не возникает. Поэтому кремации являются наиболее перспективными объектами для их поиска. А вот при обычной ингумации, особенно там, где имеются условия для хорошей сохранности органики (аридные или переувлажненные условия, горные зоны), современные интрузивные макроостатки часто невозможно визуально отличить от древних не только при расчистке могил, но даже в лаборатории под микроскопом. Тогда установить их возраст можно только при помощи прямого радиоуглеродного датирования.

Неоднозначны и случаи, когда происходит наложение разновременных поселений и могильников друг на друга, в результате чего смешиваются поселенческие слои и заполнение могильных ям.

В целом особая тафономическая ситуация, в которой формируется археоботанический комплекс того или иного погребального памятника, требует подхода, отличного от подхода к поселенческим материалам, начиная от пробоотбора и заканчивая интерпретациями полученных результатов. Поэтому важно уже на стадии полевых работ понимать, как отобрать и сохранить образцы и древние растительные остатки, содержащиеся в них. Данный доклад является первой попыткой обобщения и осмысления опыта работ с погребальными памятниками разных эпох (ранний бронзовый век – Средневековье) и географических зон (Северная Африка, Северный Кавказ, Центральная часть РФ) в аспекте изучения археоботанических макроостатков.

Стасюк И.В.*, Мустафин Х.Х., Альборова И.Э.****

**Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)*

***Московский физико-технический институт*

(национальный исследовательский университет) (Москва)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.52-53>

ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕНЕТИЧЕСКИХ ДАННЫХ В ИЗУЧЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ НЕКРОПОЛЕЙ ИЖОРСКОГО ПЛАТО

Ижорское плато представляет собой пример типичной контактной зоны, в пределах которой в I – пер. пол. II тыс. н.э. встречались и взаимодействовали различные по происхождению группы населения, отождествляемые с историческими народами славянской, прибалтийско-финской, германской языковых групп. Материальная культура региона имеет выраженный пограничный характер, сочетая компоненты с различной региональной спецификой (североевропейский, общеприбалтийский, эстонский, древнерусский и др.). Вопросы сложения средневекового населения региона должны решаться с учетом его популяционной истории. Исследовалась ДНК 17 индивидов XII–XV вв. из могильников Теглицы I и II, Ратчино I на Ижорском плато, Великино в Нижнем Полужье. Определены Y-хромосомные гаплогруппы 12 мужских, митохондриальные гаплогруппы 12 мужских и женских образцов. В генетической структуре населения Ижорского плато установлено наличие трех Y-хромосомных гаплогрупп, приуроченных к определенным памятникам. Индивиды из Теглиц I относятся к гаплогруппе E1b1b1a1b (V13), из могильника Теглицы II к R1a1a1b1a (Z282), в Великино выявлены индивиды с гаплогруппой N1a1 (M46). В Ратчино I выявлены три гаплогруппы: N1a1(M46), N1a1a1a1a (CTS2929), E1b1b1a1b (V13). Филогенетические се-

ти, построенные на основе STR-гаплотипов Y-хромосомы по гаплогруппе N1a (M46), показали генетическую близость средневековых коллективов, оставивших могильники Ратчино I и Великоино, к современным популяциям прибалтийско-финских народов. Неожиданностью оказалась хорошая представленность гаплогруппы E1b1b1a1b (V13), имеющей преимущественно карпато-балканское распространение, у индивидов из Теглиц I и проявление ее в Ратчино I. В целом, филогения по Y-хромосоме хорошо совпадает с археологической диагностикой различных групп древностей, однако эти выводы предварительны, поскольку их верификация возможна при расширении объема выборки до статистически значимых величин.

Исследование митохондриальной ДНК показало высокое разнообразие женских линий и отсутствие их приуроченности к определенным памятникам. Среди гаплогрупп мт-ДНК археологических индивидов Ижорского плато представлены западно-евразийские и восточно-евразийские, однако большинство гаплогрупп относятся к западно-евразийским – H2a2a1, U5a, U5b, J1c, J1b1a, T, K1a, в то время как к восточно-евразийским всего две – W6 и D4g2.

Тарасевич В.Н.*, Маковская В.А.**

**Национальный исторический музей
Республики Беларусь (Минск, Беларусь)*

***Белорусский государственный музей народной
архитектуры и быта (Минск, Беларусь)*

<https://doi.org/10.25681/LARAS.2022.978-5-94375-380-0.53-55>

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ МЕЖДУРЕЧЬЯ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ И НЕМАНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н.Э.: РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЕЙШИХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ РАСКОПОК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Результаты многолетнего изучения археологических памятников междуречья Западной Двины и Немана позволили установить, что в третьей четверти I тыс. н.э. данный регион был заселен носителями банцеровской культуры (БК), которое в последней четверти I тыс. н.э. сменяется населением культуры смоленско-полоцких длинных курганов (КСПДК), отождествляемым современными исследователями с летописными кривичами.

Известные погребальные памятники третьей четверти I тыс. н.э. в регионе остаются немногочисленными и представлены преимущественно

курганными могильниками с кремациями (курган 9 могильника Погоща и курган 6 могильника Рацкий Бор (Браславский район), курганный могильник Субовщина (Полоцкий район), курганы 26/14 и 35/23 могильника Новоселки, курганы 12 и 13 некрополя Навры II (Мядельский район)). Кроме того, на селище Ревячка Мядельского района были выявлены грунтовые погребения по обряду кремации, которые соотносятся с БК. Вероятно, разрушенные грунтовые кремации найдены в процессе раскопок на городище Замэчек в Заславле в верховьях Свислочи и, возможно, возле деревни Городище Полоцкого района (отнесение кремаций из Городища к числу курганных или грунтовых является дискуссионным).

На современном этапе исследований наиболее обоснованным представляется мысль о том, что население, оставившее поселенческие памятники БК, могло хоронить своих умерших по обряду кремации как в курганах, так и в грунтовых могильниках.

Основной формой погребального обряда КСПДК традиционно считается помещение кремированных останков в «длинных» курганах, отчего эта археологическая культура и получила свое название (как показывает длительная практика изучения курганов КСПДК, «длинная» форма насыпей не является их обязательной характеристикой). До недавнего времени в междуречье Западной Двины и Немана, являющемся западной частью распространения памятников КСПДК, грунтовые погребения были выявлены только на городище Свила I Глубокского района.

Раскопки некрополя Навры II, проведенные на протяжении 2017–2020 гг. А.Н. Плавинским, Н.А. Плавинским и В.Н. Тарасевич, позволили выявить и изучить на достаточно большой площади (733 кв.м) бескурганное погребение КСПДК, датировка которых на данный момент может быть определена только в широких рамках существования культуры – VIII – началом или первой половиной XI в. Кроме того, изучение архивных материалов и новые полевые исследования комплекса памятников Гуры Вилейского района (раскопки Н.А. Плавинского 2021 г.) позволяют предполагать наличие тут не только курганов, но и бескурганной кремации КСПДК. Также следы разрушенного погребения по обряду кремации, вероятно, были выявлены в 2021 г. в ходе раскопок древнерусского кургана в могильнике Камено-1 Вилейского района (исследования В.А. Маковской). Кроме кальцинированных костей в Камено-1 найдены фрагменты лепного сосуда, датировка которого пока возможна только в широких границах второй половины I тыс. н.э.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют полагать, что население междуречья Западной Двины и Немана на протяжении второй половины I тыс. н.э. могло достаточно широко практиковать бескур-

ганный обряд захоронения кремированных останков умерших, а будущие полевые исследования на современном методическом уровне позволят выявить в регионе новые памятники данного типа.

Тарасова А.А.*, **Васильева Е.Е.***, **Евтеев А.А.****,
Рассказова А.В.***, **Чечеткина О.Ю.***, **Петрова К.А.***

**Институт археологии РАН (Москва)*

***МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)*

****Институт этнологии и антропологии РАН (Москва)*

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.55-56>

БАЗА ДАННЫХ ЦИФРОВЫХ КОПИЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ХРАНЕНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ

Стремительное накопление антропологических материалов из археологических раскопок в последние десятилетия, обусловленное, в числе прочих, поправками к Федеральному закону 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», согласно которым был установлен столетний рубеж древности для археологических объектов, ставит перед исследователями новые проблемы. В частности, специалистам-антропологам приходится решать вопросы исследования в короткие сроки или организации хранения антропологических коллекций большого объема для их последующего изучения как классическими, так и современными методами физической антропологии.

Для решения данной проблемы коллектив авторов предлагает использование новейших способов цифровой визуализации при помощи радиологии, трехмерного сканирования и моделирования. Частично это будет способствовать решению проблемы хранения материалов и их доступности для будущих исследователей. Так, цифровые копии черепов могут быть использованы не только для восстановления по ним портретов людей разных исторических эпох и краниоскопических исследований, но и для широкого спектра манипуляций (в том числе измерений) в любых программах для визуализации, обработки и анализа трехмерных данных. Кроме того, применение методов геометрической морфометрии, позволяющей производить статистический анализ форм объектов по конфигурациям меток, делает возможным исследования морфологической изменчивости гомологичных объектов по их точным трехмерным копиям.

В ходе работы коллектива авторов над проектом планируется к созданию база точных трехмерных цифровых копий целых и почти целых черепов и костей, несущих на себе следы патологий или имеющих аномалии строения. Трехмерные модели костей с патологиями, которые планируется получать не только посредством сканирования их поверхности, но и формы в целом методами КТ, МДКТ или КЛКТ, могут служить для дальнейшего их изучения и описания в случае необходимости перезахоронения останков. База данных будет представлять собой электронный архив, сформированный на основе классификации по археологическим памятникам и годам работ. Каждый информационный блок будет включать в себя: 3D-модель черепа и отдельных костей с патологиями; краткую выдержку из археологического отчета, содержащую информацию об обстоятельствах обнаружения погребения; описание погребального комплекса; его датировку; фото- и чертежную фиксацию погребения, а также антропологическое заключение. Хранение электронного архива (постоянно пополняемого) предполагается осуществлять на отдельном компьютере, с предустановленным необходимым для работы с материалами программным обеспечением. Доступ к базе данных планируется осуществлять по личному запросу, сформированному в письменном виде.

Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 22-78-10059 «Новые методы морфологического анализа и визуализации в изучении антропологического состава населения русских городов XII–XVIII вв.».

Тагаурова Л.В.

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.56-57>

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД У РУССКИХ: ЗНАКОМОЕ И НЕИЗВЕСТНОЕ

Археологические исследования памятников XVI–XIX вв. включают и погребальные комплексы. Казалось бы, для столь недавнего времени обрядовая сторона православного похоронного ритуала должна быть нам абсолютно понятной. Однако в знакомых чертах – захоронение в гробу, вытянуто на спине, головой на запад, без сопроводительного (кроме нательного креста) инвентаря, с крестом (памятной плитой) на могильном холме – есть элементы не всегда объяснимые, а иногда просто неизвестные.

Теоретические вопросы интерпретации погребального обряда не выходят за рамки проблем археологии Нового времени и связаны как с общими, так и с частными традициями этой стороны духовной культуры русского населения.

К общим проблемам относится отсутствие церковной регламентации православного погребального обряда, кроме самых общих правил, чаще касающихся нематериальной стороны ритуалов, связанных с похоронами.

Фактически структура погребального обряда, очерченная Т.Д. Пановой на древнерусских и средневековых материалах европейской части России и учеными в исследованиях по Сибири XVII–XIX вв. (И.М. Бердников, А.А. Воробьев-Исаев, Л.В. Татаурова) основана на данных археологии. Этнографические описания, письменные документы не представляют серийных репрезентативных выборок, и, как правило, имеют региональный (частный) характер. Изобразительные источники, как и археологические, требуют специальных исследовательских процедур.

Отдельные каноны, связанные с ритуалом похорон, например, положение рук умерших, описаны на основе археологического материала и проанализированы по письменным и изобразительным источникам (Кучкин, 1967). Широкое обсуждение этот элемент обряда получил на VII международной научной конференции «Культура русских в археологических исследованиях», прошедшей в ноябре 2021 г. в Сургуте.

К частным вопросам интерпретации элементов погребального обряда можно отнести: выбор погребальной конструкции (колода/гроб) – отчего он зависел, появление, распространение и хронология бытования той или иной формы; социальные маркеры в археологическом представлении; существование/отсутствие гендерных стереотипов в предметах личного благочестия, зафиксированных в погребениях; причины несоблюдения канонической, запад-восток, ориентации могил, традиционного трупоположения; география распространения «засыпных» погребений – когда тело засыпано землей внутри погребальной конструкции (колоде/гробу); практики закладных погребений и т.д.

Тишкин А.А.*, Сеницей Т., Ковычев Е.В.*****

**Алтайский государственный университет (Барнаул)*

***Центр гуманитарных исследований (Будапешт, Венгрия)*

****Забайкальский государственный университет (Чита)*

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.57-59>

ЧЕРЕПНО-МОЗГОВЫЕ ТРАВМЫ У ПОГРЕБЕННЫХ ЛЮДЕЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА ДУРОЙ-II (ВОСТОЧНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ)

В Восточном Забайкалье памятники хуннуско-сяньбийского времени исследовались Верхнеамурской археологической экспедицией ЧГПИ

под руководством И.И. Кириллова и Е.В. Ковычева. В 1991, 1994, 1999 и 2000 гг. производились раскопки у с. Дурой (Приаргунский район Забайкальского края, Россия). Могильник Дурой-II, о котором пойдет речь в данном сообщении, отнесен к зоргольской культуре, датированной I в. до н. э. – II/III в. н.э. Полученные материалы пока не опубликованы. Даны лишь общие характеристики изученных погребений: «... однослойные ... каменные выкладки, под которыми на глубине 2–3 м располагались остатки деревянных гробов ... В заполнении могильных ям и внутри погребений ... зафиксированы находки костей барана, копыт лошади, раковин ... Умершие ... похоронены в вытянутом положении на спине, головой по северному сектору. Вещевой комплекс ... включал в себя глиняные сосуды, наконечники стрел и копий, накладки на лук, удила, псалии, подпружные пряжки, ножи, бусы, серьги и др.» (Яремчук, 2010. С. 19).

Остеологическая коллекция в настоящее время хранится в Кабинете антропологии АлтГУ (г. Барнаул). Ее детальное исследование предпринимается антропологическими, палеогенетическими и другими методами. В ходе реализации такой программы выявлены черепно-мозговые травмы на скелетных останках людей из некрополя Дурой-II.

В одном случае (женщина (?) 35–50 лет) наблюдались множественные повреждения. В средней части левой носовой кости обнаружены следы хорошо зажившей линии перелома, вследствие которого образовалось небольшое углубление. Другие изменения на черепе зафиксированы в средней сагиттальной плоскости. В точке брегмы имеется впадина овальной формы (7 × 3 мм). Примерно у вершины черепа выдолблена округлая борозда размерами 21 × 19 мм с маленьким отверстием. Аналогичная незаконченная трепанация овальной формы (25 × 21 мм) находится рядом (почти в точке обелиона). Еще одна травма (неглубокое углубление размерами 6 × 5 мм) расположена между точками обелиона и лямбды. Зафиксированные манипуляции можно отнести к неполной или символической трепанации.

В другом случае (мужчина 35–45 лет) обнаружены следы частично зажившей колотой травмы (21 × 5 мм), нанесенной, вероятно, наконечником стрелы. Повреждение расположено на левой теменной кости.

Крупная черепно-мозговая травма (шириной до 95 мм) наблюдалась на черепе женщины 35–45 лет. Она отмечена на левой теменной кости. Округлые и расширенные края могут указывать на хирургическую трепанацию. При этом фиксируется облитерация с обширным ремоделированием кости, что свидетельствует о долгосрочном выживании, но с признаками хронического воспалительного процесса. По всей видимости, операция была выполнена квалифицированным специалистом.

Перечисленные случаи имеют аналогии в широком спектре культур Евразии (Медникова, 2003). Неполная трепанация отмечена у болгар (Akimova, 1964; Éry, 1988; Jordanov, 1988), но большинство опубликованных случаев известно в Венгрии (Nemeskéri et al., 1960; Bereczki et al., 2013). Описана находка из Монголии хуннского времени (Tóth, 1962).

Исследования выполнены при частичной финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00470, руководитель А.А. Тишкин).

Трошина А.А.*, Красникова А.М.**

**Институт археологии РАН (Москва)*

***Государственный исторический музей (Москва)*

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.59-60>

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ КУРГАННОГО НЕКРОПОЛЯ ГНЕЗДИЛОВО 12

В докладе будут представлены результаты палинологических исследований на могильнике X–XII вв. Гнездилово 12 (Владимирская область). На данный момент площадка могильника регулярно распахивается, поэтому основное внимание уделено изучению образцов из заглубленных в материк объектов – ровиков, окружающих сохранившиеся курганные площадки, отдельных ям с керамическими развалами, а также пробам из сосудов, найденных как в грунтовых погребениях, так и в погребениях с разрушенными курганными насыпями. Образцы из этих объектов перспективны для исследования, так как они сохранили непотревоженные отложения, синхронные времени сооружения погребальных комплексов. Для образцов из ровиков и под скоплениями керамики характерна аномально высокая доля спор сфагновых мхов. Для объяснения такого состава спорово-пыльцевых спектров было выдвинуто две гипотезы:

- 1) мох был принесен на площадку могильника человеком;
- 2) естественное произрастание мха сфагнума во влажных местообитаниях.

Для дальнейшего обсуждения этих гипотез требуются дополнительные исследования.

Также были исследованы образцы из двух сосудов. В одном из них отмечено обилие пыльцы семейства цикориевых (70%). Такой состав пыльцевого спектра отличается от фоновых образцов, поэтому можно связать его с содержимым сосуда (возможно, мед, поскольку многие представители

семейства цикориевых являются медоносами). Состав пыльцы в образцах из второго сосуда был достаточно однороден. При этом отмечена динамика в составе непыльцевых палиноморф, а именно спор грибов. Их пики отмечены на дне сосуда и в верхней части заполнения. К сожалению, на данном этапе невозможно определить, какому именно виду грибов принадлежат найденные споры, но наиболее вероятно, что они разлагали органику, которая была помещена в сосуд.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 19-18-00538.

**Ужастова И.Р., Зальцман Э.Б.,
Клещенко Е.А., Свиркина Н.Г., Скворцов К.Н.**

Институт археологии РАН (Москва)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.60-61>

БИРИТУАЛЬНЫЙ МОГИЛЬНИК ЛИВЕНСКОЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКА ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

В 2022 г. отрядом Самбийской экспедиции был исследован могильник Ливенское, расположенный в Краснознаменском районе Калининградской области, на правом берегу р. Неман.

Памятник представляет собой биритуальный могильник, который содержит грунтовые погребения по обряду ингумации и кремации. Погребальные объекты с кремациями имеют два вида: поверхностные рассыпания, расположенные в объектах с каменной кладкой, и относительно крупные грунтовые скопления костей. Могильник был частично разрушен, но, благодаря использованию современных способов фиксации, в частности фотограмметрии, удалось реконструировать как минимум шесть кольцевых каменных конструкций, которые, с наибольшей долей вероятности, были перекрыты курганными насыпями в древности. Кольцо кургана образует несколько объектов с каменными кладками и поверхностными рассыпаниями кремированных костей. Ингумации, а также крупные скопления кремированных костей были зафиксированы, преимущественно, внутри этих конструкций.

В погребениях обнаружены останки людей всех половозрастных групп. Погребальный инвентарь (арбалетовидные фибулы, бронзовые браслеты с расширяющимися концами, железный втульчатый топор, янтарные бусы, фрагменты ювелирных украшений, а также керамика) позволяют датировать могильник V–VI вв. н.э.

Некоторые из погребений людей сопровождались захоронениями молодых лошадей (как голов, так и целых туш), в большинстве из которых отсутствует инвентарь. Исключение составляет захоронение целой туши молодой лошади с удилами, рядом с которыми находились янтарные бусы и бронзовые спиральные кольца (находки, характерные для данного микро-региона).

Как минимум, в одной кремации встречена сожженная когтевая фаланга медведя. Подобные находки все чаще и чаще можно обнаружить благодаря тщательной фиксации и сбору останков. Они характерны для погребений I тыс. н.э. лесной части Европы, встречены в различных ее частях, в разных археологических культурах.

Храмцова А.А.*, Кашина Е.Е.**

**Кильский университет (Киль, Германия)*

***Государственный исторический музей (Москва)*

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.61-62>

К ВОПРОСУ О РАЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ

Несмотря на то, что к настоящему моменту на территории лесной зоны Восточно-Европейской равнины известно уже более ста отдельных погребений и могильников, существует видимый пробел в материалах VI–V тыс. до н.э. Это связано с целым рядом причин, таких как: многослойный характер подавляющего большинства поселенческих памятников, которым сопутствуют погребения и могильники, и разрушения погребальных объектов, обусловленные им; плохая сохранность органических материалов внутри культурных отложений подавляющего большинства памятников, частое отсутствие погребального инвентаря и контуров могильных ям, отсутствие радиоуглеродных дат или их неудовлетворительное качество. Все эти факторы затрудняют процесс идентификации и глубокого всестороннего изучения погребений этого периода.

Между тем, именно этот протяженный отрезок времени представляет огромный интерес, поскольку именно тогда возникает, распространяется на огромном пространстве и демонстрирует колоссальную региональную изменчивость керамическая посуда, а также на материалах отдельных поселений фиксируется рост оседлости и вероятный прирост населения. Также приблизительно в начале V тыс. до н.э. на огромной территории наблюдается масштабный сдвиг в использовании базовой заготовки при изготовле-

нии кремневых орудий (переход от пластины к отщепу) и, соответственно, в наращивании применения бифасиальных технологий. Объяснение всех происходящих в то время изменений едва ли можно объяснить лишь наступлением атлантического периода и потеплением климата. Представляется, что эти глобальные процессы должны были иметь под собой причины, укорененные, прежде всего, в социальной и духовной жизни человеческих сообществ.

Результаты радиоуглеродного датирования материалов опубликованных ранее погребений с помощью AMS-метода наряду с вновь проведенным тщательным анализом расположения костяков и погребального инвентаря, а также стратиграфии (по полевой документации и публикациям), позволили нам пересмотреть хронологию ряда погребений, которые ранее были датированы более поздним временем (средним, поздним неолитом, энеолитом).

Согласно полученным нами данным, основными индикаторами погребений раннего неолита таежной зоны Восточно-Европейской равнины являются: ориентация труположений вдоль водоема, нечастое, но стабильное присутствие в могильниках погребений ничком с руками, сложенными под тазовыми костями, присутствие традиции тугого пеленания тела и намеренного повреждения предметов погребального инвентаря, залегание погребений в материке.

Полученные результаты позволяют сравнить материалы северных областей России с синхронными материалами сопредельных территорий, прежде всего, стран Балтии, где также распространены поселения и могильники, существовавшие несколько тысячелетий подряд. Также эти данные добавляют ценные материалы к дискуссии о разнонаправленных и разнохарактерных сетях взаимодействия, существовавших в каменном веке лесной зоны Восточной Европы.

Черевко В.В.

Полоцкий государственный университет (Полоцк, Беларусь)
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.62-63>

ИНВЕНТАРЬ СЕЛЬСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ XIV–XVIII вв.

Доклад посвящен погребальному и поминальному инвентарю сельских погребальных памятников Белорусского Подвинья (Северной Беларуси) XIV–XVIII вв.

Исследованные сельские погребальные памятники в основном безынварные, что указывает на христианский канон погребения. Это характерно и для синхронных городских некрополей региона. Доля безынварных погребений на сельских могильниках составляет 91%.

Инвентарь делится на две группы. Первую группу составляют артефакты, наличие которых в захоронениях не противоречит христианским традициям (детали одежды, предметы личного благочестия). Так, в отдельных погребениях сохранились остатки одежды, головных уборов, обуви, деталей костюма, украшения и предметы личного благочестия. Ко второй относятся предметы, присутствие которых указывает на то, что погребение не строго соответствует христианским канонам. Преимущественно это монеты, которые могут интерпретироваться как христианское переосмысление живой народной традиции, сформировавшейся на основе дохристианской («обол мертвых», выкуп места).

Большинство предметов является отличием социального статуса умерших. Некоторые украшения могут интерпретироваться как предметы с христианской символикой. С конца XV в. в сельских и городских погребениях появляются монеты, количество которых возрастает в XVII–XVIII вв.

Погребальный инвентарь не имеет узких рамок бытования. Так, серебряные тисненные бляшки от женского головного убора датируются XII–XIV вв., серьги в виде кольца с привесками или в виде вопросительного знака – XV–XVI вв., перстни с двойным рифлением – XIV–XVI вв., проволочные застёжки – XVII–XVIII вв. Некоторые категории инвентаря (серьги, кольца) встречаются как на городских, так и на сельских кладбищах. Некоторые обнаруживаются только на сельских или только на городских могильниках. Так, тисненные бляшки от женских головных уборов встречаются исключительно в сельских погребениях. Нательные крестики преимущественно представлены в городских погребениях.

Наибольшее количество вещей отмечено в женских погребениях. В мужских и особенно в детских погребениях инвентарь ограничен.

Также на сельских могильниках встречаются фрагменты керамической посуды XVI–XVIII вв., которые по расположению в культурном слое над могилами могут интерпретироваться как поминальный инвентарь. Это соотносится с этнографически зафиксированными обрядами «прыкладзінаў», «трацін», а также Дедами и Радунницей.

Шмидт И.В., Федорова Д.С.

*Омский государственный университет
имени Ф. М. Достоевского (Омск)*

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.64-65>

ПОГРЕБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТАНАТОПРАКТИК: О ПРОБЛЕМАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Современная погребальная культура претерпевает серьезные изменения на фоне развивающегося экологического мэйнстрима. Через сто лет их материально-содержательные последствия станут интересны археологам. В частности, необходимо будет объяснить сокращение характерной для XX в. «танато-материальности»: погребенных тел и сопровождающих конструкций, кремированных останков, погребальных маркеров и т.д. Ряд проблем решаем с опорой на развивающуюся археологическую методiku и данные актуальной антропологии, которые детально фиксируют происходящие изменения танатосферы. Ввиду ограничения объемов сообщения остановимся на привычных для археолога формах погребений – ингумации и кремации.

Известная с палеолита ингумация, ее вариации являются важным объектом современной эко-критики. Несоответствие погребальных практик экологическим установкам привело к созданию и внедрению эко-альтернатив, направленных на обеспечение минимального воздействия на окружающую среду; ее сохранение и восстановление. Вместе с этим они активизируют трансформации «погребального текста» в элемент природного ландшафта, что выражается в аннигиляции мертвого тела, кладбищенского и колумбарного пространств, их погребальных маркеров; их замене эко-маркерами, практически не фиксируемых археологическим образом.

В эко-ингумации аннигиляция мертвого тела определяется естественными условиями. В погребении «работают» растительная биомасса, эко-архитектура, а также меньшая глубина могилы, обеспечивающая активное разложение совместно с защитой захоронения от падальщиков. Через пару столетий европейский и американский археологи должны будут осторожно относиться к грибным полянам и рощам/дубравам: деревья используются для маркировки места погребения, их вегетация не контролируется; есть практики встраивания ДНК умерших родственников в стволы деревьев; природные кладбища своим антуражем ничем не отличаются от полей, лесов и пашен. Экстравагантным приемом деконструкции мертвого тела является способ «прямого компостирования», осуществляемый по-

средством органического поглощения мертвого тела с помощью технологичных капсульных теплиц и естественных катализаторов, обещающих за месяц превратить его в питательную почву. За несколько недель микробной активности тело преобразуется в компост, который можно передать семье умершего или использовать по прямому назначению. Компост как результат декомпозиции тела человека до настоящего времени не входил в область непосредственного археологического интереса.

Кремация, очевидно, современница ингумации и получает критики не меньше. Ведется поиск нейтрализации пепла с помощью специальных смесей, преобразующих кремированные останки в органические вещества, питающие растения. Озабоченность экологичностью самого процесса привела к созданию водной кремации и сублимационной сушки, археологические индикаторы продуктов которых тоже пока непонятны.

Подведем итоги. Краткий анализ упомянутых развивающихся танатопрактик ставит археолога в затруднительное положение. Исчезает предмет и объект его исследования. Если культура встанет на «эко-путь» развития, то через пару сотен лет археология окажется в состоянии «палеолитического ренессанса» – периода, реконструируемого по технологиям обработки неразлагаемых материалов.

Шутелева И.А., Щербаков Н.Б.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа)

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.65-66>

ПРОБЛЕМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ БИОАРХЕОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Современные теоретические подходы к исследованию погребальных традиций в дописьменных обществах складываются к первой трети XX в. и основываются на сочетании биоархеологического и социоархеологического подходов (Медникова, 2009; 2017). Социальные подходы к погребальным традициям, ставшие трендом археологических построений, основанных на социальной реконструкции, по археологическим данным в отечественной и зарубежной (англо-американской и частично, скандинавской) археологии были в значительной мере исследованы В.И. Гуляевым (1990; 1993; 1995; 2006).

В настоящее время археологические исследования позднего бронзового века вернулись к проблеме соотношения социального и персонального,

заменяя понятие «социальная структура» социальным взаимодействием. В исследованиях погребальных традиций позднего бронзового века можно выделить три наиболее важных составляющих: анализ погребальных данных (пространственно-временные, социально-временные изменения, константные и изменяющиеся элементы погребальных комплексов и т.д.); исследование погребальных традиций (как отражение социальной реальности); анализ теории социального действия в создании погребального обряда (погребальные практики, ландшафт, феноменология). Перечисленные факторы позволяют рассмотреть погребальную практику через призму социального контекста и биокультурных свидетельств: возраст, пол, гендер и палеодиета в древнем социуме (Jones, 2017). Погребальная практика становится результатом идентичности и жизненного опыта живых акторов погребального процесса, как скорбящих, так и самих мертвых. Такой подход к пониманию погребального обряда позволяет объединить археологические построения с биологическими данными. В настоящее время наиболее перспективным является применение интегративного подхода соединения биоархеологии (в нашем случае остеобиографии) и археологии (Sofaer, 2006).

Так, для остеобиографии человеческого тела – это предмет исследования, отражающий идентичность, как результат жизненного опыта, «жизненного цикла» человека прошлого – актора собственной остеобиографии. В археологии же кости скелета являются объектом исследования наряду с погребальными традициями, как результата событий жизни погребенных, отражающих процесс формирования их жизненного опыта (Moutafi, 2013; Moutafi, Voutsaki, 2016). Проблема, которая остается нерешенной в этих исследованиях – насколько человек сам формирует свою остеобиографию, или тело только иллюстрирует жизненные обстоятельства, контекст его жизни. Современные остеобиографические исследования были дополнены изотопными и палеогенетическими анализами (Добровольская, 2019).

В ходе проведенных междисциплинарных исследований территории Казбуруновского археологического микрорайона, были получены новые данные по биоархеологии и социальной археологии позднего бронзового века Южного Приуралья. К развитому, классическому позднему бронзовому веку Казбуруновского археологического микрорайона относится семь поселений и три частично или полностью исследованных курганных могильника. В ходе исследований были получены AMS даты, стабильные изотопы азота ($\delta^{15}\text{N}$) и углерода ($\delta^{13}\text{C}$) костей всех погребенных и сделаны их ДНК-анализы. Это позволило выдвинуть следующие гипотезы: о гендерных ролях в древних обществах на примере погребенных на территории Казбуруновского археологического микрорайона, а также составить их остеобиографические портреты, включая инфантов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ДОКЛАДОВ

Альборова Ирина Эдуардовна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории исторической генетики, радиоуглеродного анализа и прикладной физики Московского физико-технического института (национального исследовательского университета) (Москва, Россия);
ira_teuchezh@mail.ru

Анохин Иван Владимирович – аспирант Института археологии РАН, директор АНО «Научно-исследовательский центр современной истории» (Москва, Россия);
anokhiniv@gmail.com

Бабенко Анна Николаевна – кандидат биологических наук, научный сотрудник Института археологии РАН (Москва, Россия);
mnemosina_a@mail.ru

Бородовский Андрей Павлович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия);
altaicenter2011@gmail.com

Вальков Денис Владимирович – начальник отдела археологических исследований ООО Научно-производственный центр «Универсальные технологии и разработки» (Самара, Россия);
valkovd@mail.ru

Васенина Марина Германовна – ведущий специалист-археолог Автономного учреждения культуры Вологодской области «Вологдареставрация» (Вологда, Россия);
vaseninamg@vologdarestoration.ru

Васильева Елена Евгеньевна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии РАН (Москва, Россия);
veda_lv@mail.ru

Вашанов Александр Николаевич – научный сотрудник Института истории НАН Беларуси (Минск, Беларусь);
vashanau@gmail.com

Викулова Наталья Олеговна – младший научный сотрудник Института археологии РАН (Москва, Россия);
natasha_vikulova@mail.ru

Волошинов Алексей Алексеевич – специалист Института археологии РАН (Бахчисарай, Россия);
voloshinov-alexs@yandex.ru

Гаврилов Константин Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН (Москва, Россия);
k_gavrilov.68@mail.ru

Галиева Замира Сулеймановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного музея Востока (Москва, Россия);
zamiragalieva@gmail.com

Демиденко Сергей Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН (Москва, Россия);
svdemidenko@hotmail.com

Долбунова Екатерина Владимировна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия);
katjer@mail.ru

Дорошко Валентин Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия);
valentindor@mail.ru

Дьякова Ольга Васильевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая лабораторией, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДО РАН (Владивосток, Россия);
Emelianova49@mail.ru

Елошкин Григорий Александрович – студент Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия);
g.eloshkin@g.nsu.ru

Емельянчик Ольга Антоновна – кандидат биологических наук, доцент Полоцкого государственного университета (Новополоцк, Беларусь);
o.emeljanchik@psu.by

Eppelbaum Lev – PhD, Professor, Tel Aviv University (Tel Aviv, Israel);
levap@tauex.tau.ac.il

Кадиева Анна Анатольевна – научный сотрудник Государственного исторического музея (Москва, Россия);
adelgeida85@mail.ru

Кашина Екатерина Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного исторического музея (Москва, Россия);
eakashina@mail.ru

Каширская Наталья Николаевна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (Пущино, Россия);
nkashirskaya81@gmail.com

Клещенко Екатерина Андреевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН (Москва, Россия);
malzeva-ekaterina@mail.ru

Ковычев Евгений Викторович – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией, доцент Забайкальского государственного университета (Чита, Россия);
kovychevgenyi@mail.ru

Комиссаров Сергей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия);
sergai@mail.ru

Корневский Сергей Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Москва, Россия);
Skorenevskiy@yandex.ru

Коробов Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор РАН, заведующий отделом Института археологии РАН (Москва, Россия);
dkorobov@mail.ru

Коц Алексей Леонидович – старший преподаватель Полоцкого государственного университета (Полоцк, Беларусь);
aleksej-koc@yandex.ru

Красникова Анна Михайловна – младший научный сотрудник Государственного исторического музея (Москва, Россия);
krasnikova.an@yandex.ru

Крумплевский Владислав Станиславович – научный сотрудник Института истории НАН Беларуси (Минск, Беларусь);
uladz.krumpleuski@gmail.com

Кудинова Мария Андреевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия);
maria-kudinova@yandex.ru

Ларенок Оксана Павловна – стажер-исследователь Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия);
ksanalare@mail.ru

Леонтьева Анна Станиславовна – специалист-археолог ООО «Артефакт» (Ростов-на-Дону, Россия);
ananyeno@yandex.ru

Лесная Екатерина Сергеевна – научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия);
lesnaya.kat@gmail.com

Мазуркевич Андрей Николаевич – старший научный сотрудник, главный хранитель Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия); mazurkevich@mail.ru

Маковская Виктория Александровна – научный сотрудник Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта (Минск, Беларусь); makouskayav@gmail.com

Малашев Владимир Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН (Москва, Россия); malashev@yandex.ru

Медникова Мария Борисовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Москва, Россия); MednikovaMB@iaran.ru

Мельник Валерий Иосифович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН (Москва, Россия); melvaler@yandex.ru

Меньшиков Максим Юрьевич – младший научный сотрудник Института археологии РАН (Москва, Россия); maxim-menshikov@ya.ru

Мустафин Харис Харрасович – кандидат технических наук, заведующий лабораторией исторической генетики, радиоуглеродного анализа и прикладной физики Московского физико-технического института (национального исследовательского университета) (Москва, Россия); kh-mstf@yandex.ru

Недолужко Артем Валерьевич – кандидат биологических наук, директор по развитию Лаборатории палеогеномики Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия); nedoluzhko@gmail.com

Недомолкина Надежда Геннадьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Вологодского государственного музея-заповедника (Вологда, Россия); Nedomolkiny_ljv@mail.ru

Некраш Алина Анатольевна – магистрант Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия);
nekrash.alina@mail.ru

Сафонов Илья Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия);
safonov@hist.vsu.ru

Сеницей Тамаш – PhD, научный сотрудник Центра гуманитарных исследований (Будапешт, Венгрия);
tamas.szeniczey@ttk.elte.hu

Сергеев Алексей Юрьевич – младший научный сотрудник Института археологии РАН (Москва, Россия);
alexarchbot@yandex.ru

Соловьев Александр Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия);
easolovievy@mail.ru

Стасюк Иван Вадимович – научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, Россия);
nogroendrengr@mail.ru

Тарасевич Виктория Николаевна – научной сотрудник Национального исторического музея Республики Беларусь (Минск, Беларусь);
tarasevichvika475@gmail.com

Тарасова Анна Анатольевна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии РАН (Москва, Россия);
taa-volga@yandex.ru

Татаурова Лариса Вениаминовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Омск, Россия);
li-sa65@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия);
tishkin210@mail.ru

Ткачева Мария Ивановна – научный сотрудник Института истории НАН Беларуси (Минск, Беларусь);
marta-van@mail.ru

Трошина Алла Андреевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН (Москва, Россия);
allatroshina89@gmail.com

Тюрин Максим Игоревич – научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия);
tyurin.m.i@mail.ru

Ужастова Ирина Романовна – старший лаборант Института археологии РАН (Москва, Россия);
uzastova.96@mail.ru

Фассбиндер Йорг – доктор физики, профессор, научный руководитель кафедры геофизики факультета наук о земле и окружающей среде Мюнхенского университета Людвига-Максимилиана (Мюнхен, Германия);
fassbinder@geophysik.uni-muenchen.de

Федорова Дарья Сергеевна – магистрант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия);
daria-fedorowa2018@ya.ru

Храмцова Анастасия Андреевна – магистр, аспирантка Exzellenzcluster ROOTS, Кильский университет (Киль, Германия);
KhramtsovaAnastasia@yandex.com

Черевко Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Полоцкого государственного университета (Полоцк, Беларусь);
viktar.charauko@gmail.com

Чернышева Елена Владиславовна – кандидат биологических наук, научный сотрудник Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (Пушино, Россия);
chernysheva1988@gmail.com

Шмидт Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия);
ShmidtIV@omsu.ru

Шутелева Ия Александровна – кандидат исторических наук, доцент Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа, Россия);
shutelevai@gmail.com

Щербаков Николай Борисович – кандидат исторических наук, доцент Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа, Россия);
nbsherbakov@gmail.com

Юдин Александр Иванович – доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе АНО «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия» (Саратов, Россия);
aleyudin@yandex.ru

Яскович Анна Сергеевна – научный сотрудник Института истории НАН Беларуси (Минск, Беларусь);
anna.yaskovich@gmail.com

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ**

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ,
ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ ИВАНОВИЧА ГУЛЯЕВА**

Тезисы докладов

Редактор: *Д.С. Коробов*

Дизайн и верстка: *С.В. Кожушков*

Подписано в печать 21.10.2022. Формат 70×100/16

Уч.-изд.л. 3,8. Тираж 150 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-380-0

9 785943 753800